

ДИАНА ХАНТ

18+

18+

Турт
ИСКУШЕНИЯ

Путь сердца

Диана Хант

Путь искушения

«Автор»

2018

Хант Д.

Путь искушения / Д. Хант — «Автор», 2018 — (Путь сердца)

Думали братья де Вуд, демоны-инкубы, что не смогут поделить женщину? Звучит так же смешно, как и глупо. Рыжеволосая девочка со вкусными эмоциями стремительным звездопадом обрушилась в жизнь высших демонов, перевернула с ног на голову устои и правила, стала настоящим искушением для обоих. И встала на путь искушения сама. Игры инкубов порочны, безжалостны. Вот только они не знают, по чьим правилам им придётся играть...

© Хант Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Диана Хант

Путь искушения

Глава 1

Лабораторный ауросканнер медленно скользил над хрупкой фигуркой в синем платье с белым отглаженным воротничком.

После сцены с инкубом, точнее, после его обещания придать огласке случившееся, тишина лаборатории, мерное жужжание приборов, мигание лампочек – все было каким-то удручающим, тревожным.

Пальцы Мишель сжали осколок на цепочке. Тот самый, который бросил ей Альберт во время их первой встречи. Куратор сообщил, что эта вещь была при ней с самого рождения. Точнее с момента, когда колыбель с младенцем оказалась на пороге Галдур Магинен.

Прежде, чем отправить ее в межмирье (это было оптимальным решением для человеческого найденныша) осколок изъяли, но за ребенком регулярно наблюдали.

Капризный осколок, должно быть, раздосадованный оттого, что его разлучили с маленькой хозяйкой, отказался говорить даже с самыми сильными артефакторами. По этой причине за девочкой со слабеньким даром следили тщательнее, справедливо надеясь, что только она сможет разговорить капризный артефакт.

Так что Мишель оказалась «двойным» подкидышем. Прежде, чем оказаться в колыбели на крыльце приюта, откуда ее удочерила шумная набожная семья, давшая обет, что возмет в дом сиротку, её, оказывается, подбрасывали на крыльцо лучшей магической академии Слитсберга.

Магистр Хольдер что-то пробормотал, склонившись над панелью и Мишель подумала: а правильно ли доверять обследование ауры специалисту по магическим тварям? Это же то же самое, должно быть, что лечиться у ветеринара...

Вопрос был риторический.

Кроме магистра Хольдера, который стал случайным свидетелем происшествия во время занятий, когда магическую энергию адепки наотрез отказался высасывать арахнид, больше её феноменом никто не интересовался.

Была еще одна причина, по которой она так спешила сюда, в лабораторный корпус.

Угроза Эрама де Вуда сообщить всем, что она, Мишель, и есть та самая человечка из Тайной комнаты, за которой устроил охоту весь демонический свет Вилскувера, звучала очень убедительно. Кроме того, в тихой ярости, которой так и фонило от демона, казалось, виновата была сама Мишель.

Ей снова вспомнились чёрные стены Тайной комнаты... алый муар кресла с бесстыдно разведенными в стороны подлокотниками... Демоны, замершие у её ног. Их лица проступали в темноте, черты только угадывались. Потому что свет был направлен на неё.

В самом развратном и чувственном белье, которое только можно себе представить. В чёрном парике-каре, с мушкой над губой...

Мишель представила себя, с бесстыже распахнутыми ногами, ласкающую себя. Головка запрокинута на низкую спинку, мотается из стороны в сторону, тело содрогается в сладких спазмах...

Быть там, находиться в борделе, среди его завсегдатаев, наслаждаться их жадным вниманием... это было слишком. Мишель чувствовала себя развратной и бесстыжей. Приемная мать назвала бы её греховной и отреклась бы от неё... во второй раз. И была бы права.

Осознавать, что самым распутным, самым безнравственным поступком в своей жизни она обязана демону-инкубу, тому самому, к которому её необъяснимо влекло с того первого раза, когда увидела его в открытом мобиле с серебристыми крыльями, на Пятой Эуен-стрит, было невыносимо.

Хорошо, что она не видела того, что было потом. Потеряла сознание. А проснулась в своей постели. Заури рассказала, что ее принес в общежитие оборотень-гризли.

Она считала, что сполна расплатилась с инкубом за помощь Заури. Она честно исполнила условия кровного контракта.

И вот теперь он смеет заявляться к ее корпусу и чего-то требовать... угрожать, что иначе расскажет всем о том, что знает...

В это катастрофически не хотелось верить.

И в то же время Мишель понимала, что слова о том, что он демон, и что сволочизм у них в крови, были произнесены не зря... Во что она вляпалась? Не хуже ли это участи, что готовили ей джинны?

Ей хотелось одного: поскорее покинуть лабораторию и удалиться в общежитие. На линкфон пришло сообщение: один из тритонов-старшекурсников, заведующий малой водной лабораторией, проводит небольшую вечеринку у бассейна. Закрытую. То есть только для своих. Тритонов и русалок, в основном со старших курсов.

И они с Заури приглашены. Естественно, по той причине, что её соседка по комнате – русалка. Которой посчастливилось специализироваться на той же кафедре, что заведующий малой лабораторией.

Судя по тону сообщения, русалка была не против выйти из комнаты и немного развеяться. Мишель, в свою очередь, хотелось отвлечь подругу от тяжелых мыслей, которые, несмотря на посещение одной из лучших клиник Вилскувера, явно присутствовали.

– Думаю, это все, адептка Хольде, – вырвал ее из размышлений магистр, отключая ауросканер.

Мишель поднялась и подошла к панели. Стоя за спиной магистра, она принялась вглядываться в яркие сполохи, окружающие ее силуэт, с любопытством. Вот значит, как выглядит снимок ауры?

Магистр истолковал её любопытство по-своему.

– Это только первоначальные отпечатки, – сказал он важно. – Так сказать, костяк. Он будет дополняться по мере расшифровывания данных, полученных сегодня. Так что точные результаты будут не раньше недели.

Недели? Так долго? Мишель рассчитывала на более скорый результат.

– Видите ли, адептка Хольде, ваш пассивный дар векторной магии третьего уровня и абсолютная устойчивость к воздействию арахнидов – это настолько диаметрально противоположные феномены, что вообще непонятно, как это связано.

– Я вижу память вещей только во время сильного стресса, – сказала Мишель, помешкав.

Вдруг это может как-то помочь ее обследованию.

Не все попытки «разговорить» лабораторные реликвии были провальными, кое-где она видела образы, даже слышала голоса, за что удостоилась похвалы от ведущего специалиста по артефакторике, но все же те два раза – с Владом, а затем с джином Дэенисом оставались самыми яркими. Видения, прописанные до мелочей... со звуками, с запахами...

– Да-да, – рассеянно ответил магистр, вглядываясь в показатели приборов. – Я внесу это в анамнез. Что для вашего дара норма обостряться в то время, когда вы находитесь в крайне нестабильно-эмоциональном состоянии...

– Я могу ещё быть чем-нибудь полезной? – спросила Мишель и магистр Хольдер обернулся на неё с таким видом, словно впервые видит.

– Тогда я, пожалуй, пойду, – пробормотала Мишель.

Дождавшись кивка и напоминания о завтрашней лабораторной работе, Мишель покинула лабораторию магистра Хольдера.

Лаборатория исследования магических тварей с примыкающим к ней кабинетом магистра Хольдера располагалась на первом этаже лабораторного корпуса.

На выходе из восточного крыла Мишель обнаружила, что входные двери закрыты.

Должно быть, в связи с окончанием занятий закрыты все выходы, кроме главного, решила она.

Теперь, чтобы покинуть корпус, следовало подняться на второй этаж, перейти в другое крыло и только затем спуститься по лестнице и выйти через парадный вход.

Мишель пожала плечами и направилась к другому выходу.

Когда проход к парадной лестнице оказался перегороджен, Мишель чертыхнулась. Придется обойти через западное крыло.

Она снова спустилась на первый этаж и вновь стала обходить лабораторный корпус, на этот раз по западному крылу.

Когда она добралась, наконец, до заветной двери, та тоже оказалась закрытой.

Тишина действовала раздражающе.

Мишель чуть не зарычала с досады, когда поняла, что предстоит пройти насквозь один из лабораторных залов и подойти к вожделенному выходу с другой стороны.

Прямоугольник дверного проема завораживал тьмой.

Должно быть, кому-то для опытов нужна была абсолютная темнота и он воспользовался поглощающими свет порттьерами, а когда уходил, не снял их.

Снова чертыхнувшись, Мишель шагнула в лабораторный зал.

Зажмурившись, она принялась считать про себя до десяти и шарить ладонями по стене в поисках выключателя.

Когда пальцы наткнулись на что-то мягкое и тёплое, охнула, отскочила назад. Чтобы врезаться во что-то, то есть, судя по тому, что чьи-то руки обняли сзади за талию, а кожа на шее покрылась мурашками от чужого дыхания, в кого-то.

Сдавленно вскрикнув, отскочила в сторону и, споткнувшись, трудом устояла на ногах.

В следующий момент вспыхнул свет и Мишель, глаза которой почти привыкли к темноте, подслеповато заморгала.

Со стороны входа раздался звук захлопываемой двери и когда Мишель оглянулась, от закрытой двери ей ухмыльнулся оборотень. То ли рысь, то ли какой гепард, Мишель плохо в них разбиралась.

Она сделала шаг назад, слишком уж нехорошей была ухмылка у парня, но почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулась и тут же замерла, как вкопанная.

За спиной стояли, также отвратительно скалясь, пара низших нагов. Мишель содрогнулась, вспомнив, что для них человеческая кровь нечто вроде наркотика. Кроме них в центре лабораторного зала был ещё один оборотень и пара джиннов.

– Добегалась, шлюшка, – сказал один из них, и Мишель беспомощно оглянулась на закрытую дверь.

Тут же пришло понимание: это из-за Дэениса. Наверное, его дружки решили отомстить ей. Может, просочился слух, что то, что произошло с ним и его прихвостнями, из-за неё?

– Я буду кричать, – пообещала Мишель.

– Конечно, кричи, шлюшка, и погромче, – сказал один из джиннов и отвратительно ухмыльнулся.

Мишель замешкалась.

Парни вели себя очень уверенно. И очень нагло. И при этом не предпринимали попыток подойти, приблизиться... Отчего-то это было самым страшным, потому что объяснению странному поведению парней у Мишель не было.

Мишель решила воспользоваться тем, что парни не приближались и заголосить изо всех сил. Она рывком набрала воздуха в лёгкие и закричала. Попыталась закричать.

Это было как в кошмарном сне. Кричать не получилось.

Вместо воплей была тишина. Страшная. Отвратительная. От отчаянья Мишель чуть не порвала связки, но самым громким, что удалось из себя исторгнуть, были жалкие хрипы.

Она надрывно закашлялась, и, воспользовавшись паузой, один из нагов проговорил:

– Видишь ли, сладенькая, чем больше ты стараешься, тем хуже себе делаешь. Низшая менталка безотказно действует на мистиков.

Нага пихнул в бок джинн, недовольно зашипев, но Мишель было не до их разборок.

– Что вам от меня нужно?

Когда к ней нарочито медленным шагом приблизился наг, дыхание перехватило от страха.

– Видишь ли, куколка, ты задолжала кое-что одному хорошему человеку, – вкрадчиво, с шипящими интонациями, от которых Мишель замутило, произнёс он.

– Что же? – Мишель отчаянно храбрилась, судорожно соображая, что же делать. Она в ловушке. Выбрать отсюда невозможно. Кричать тоже. Остаётся только тянуть время.

– Всего лишь свою жизнь, сладкая, – сказал хвостатый и облизнулся.

– Это какая-то ошибка, – забормотала Мишель.

– Никакой ошибки, – осклабился один из оборотней.

– И у нас как раз есть кое-что, что тебя спас-сёт.

Мишель резким движением прижала ладонь ко рту. Если наг зашипит снова, она не выдержит. Её стошнит. Хвостатый видимо, понял, почему Мишель отвела глаза и содрогнулась несколько раз. Уязвлённый, он осклаился и у Мишель мурашки побежали по коже, стоило увидеть короткие, но острые, как иглы, клыки.

Спокойно, Мишель, спокойно. Они пока не нападают. Может, у них нет такого приказа? Узнать бы, что им всё-таки нужно...

Ответ пришёл незамедлительно. Словно она проговорила свои мысли вслух.

– Вот, – ей протянули белый прямоугольник панели и стилограф. – Ты подписываешь кровный контракт и спокойно идёшь домой. С тобой свяжутся.

– Кто свяжется? – Мишель отчаянно тянула время.

– Узнаешь, сладкая. Всему своё время.

Белый прямоугольник панели манил, гипнотизировал. Мишель с удивлением и ужасом поняла, что её хочется к нему прикоснуться. Хочется оставить след на этой безупречной белой поверхности...

Заведя руки за спину, она сглотнула.

От отчаянья снова попыталась кричать. И снова ничего не вышло.

Она не выйдет отсюда. Пока не подпишет кровный контракт с шантажистами. Для нее всё кончено...

Парни смотрели, ухмыляясь. От их облика веяло не просто тревогой, Мишель ощутила, как внутренности скрутило от ужаса, в горло изнутри нанес удар приступ тошноты.

Ирония судьбы: она только что избавилась от кровного контракта с инкубом и вынуждена заключить новый. Только на этот раз, что-то ей подсказывало, ей не выйти сухой (ну, почти сухой) из воды.

– Что от меня нужно? – спросила она дрогнувшим голосом. – Ну, по контракту...

– Ознакомься, сладкая, – ей снова протянули панель и стилограф. Специальную ручку с кнопкой для забора крови. Она помнит такую... у Эрама в офисе.

И снова вспомнился поцелуй под соснами, и обещание демона обнародовать их маленький секрет...

А потом всё, и даже воспоминания об инкубе отступили на второй план. Стоило ей прикоснуться к панели, она услышала новый голос.

Хриплый, кашляющий. Такой спокойный, что кровь стыла в жилах. Мишель уже слышала его. Тогда, когда случайно коснулась часов Дэениса.

– Этот щенок Дэенис сдал многих, когда его взяли. Забыл, мерзавец, что семья неприкосновенна. И всё из-за рыжей девки. Крошка слишком мне задолжала. Чтобы федералы не подкопались, пусть заключит кровный контракт.

– А потом? – в чьём-то голосе явно слышалось нетерпение.

– Потом посмотрим.

От этих простых слов повеяло таким ледяным холодом, что сердце Мишель, казалось, замерло навеки.

Укол в палец вывел из оцепенения.

Она помотала головой, как щенок, что вылез из воды и ощущение какой-то внутренней безысходности сменилось злостью.

В следующий миг она отбросила от себя панель и стилограф.

Лицо её исказило от бешенства.

К ней, кажется, пытались применить ментальную магию?!

В этом нет никаких сомнений! У кого-то из них специальный артефакт.

– Не дури, куколка, – из интонаций оборотня, что дежурит у входа исчезла вся любезность. – Подписывай, тебе же все равно некуда деться. Ты разбила прибор.

– Ничего я подписывать не собираюсь, – почти прорычала она. – Вы можете убить меня прямо сейчас, но я не подпишу клятый контракт!

– В-фе-ерно, мож-шем, – прошипел наг.

– Но не станем, – ухмыльнулся оборотень и принялся расстёгивать ремень брюк.

Мишель с ужасом мотала головой по сторонам. Движения оборотня начали повторять остальные парни.

– Человечки, конечно, для такого не предназначены, слишком слабые, – ухмыльнулся джинн. – Ты предпочитаешь быть затраханной до смерти, чем подписать один маленький контракт?

Они стали наступать на неё все вместе. Мишель ощутила себя мышонком, загнанным в западню.

Один из джиннов аккуратно поднял панель и стилограф, который мигал красным, как живой, отведав её крови.

Мишель посмотрела на свой палец. На подушечке алела капелька.

Забор крови произошел, осталось лишь подписать... Но подписать за неё они не смогут.

Она будет драться. Биться до последнего. Но не подпишет. Пусть им достанется её бесчувственное тело.

Они не смогут похитить человека из лаборатории среди дня. Рано или поздно её спасут.

Калейдоскоп мыслей кружил голову, а парни с одинаково хищным выражением лиц надвигались. Подходили все ближе.

– Ну же, шлюшка, остался последний шаг. Сделай его – и будешь паинькой. Мы тебя и пальцем не тронем.

Она вжалась в стену, маленькая, хрупкая, готовая ко всему, только не делать того, что от неё хотят.

И в этот момент распахнулась дверь.

Рывком, как будто выбили ногой.

На пороге стоял Эрам де Вуд.
Лицо инкуба искажено дикой, неистовой яростью.

Он шел за её эмоциями. Сначала за досадой, потом за недовольством, даже негодованием.

Ближе к выходу явственно засквозил страх. Отчаяние. И оно было восхитительно. Ни у одной из тех человечек, что встречались Эраму прежде, не было таких вкусных эмоций.

Он чуть ли не рычал от ярости уже до того, как подошел к той самой двери.

За ней – он готов был поклясться – была рыжая.

Беспомощная. Напуганная. Наедине с какой-то опасностью.

Внутренняя демоническая сущность нервно завоzilась.

Кто-то посмел посягнуть на Мими? На вкусную рыжую Мими?!

Эраму самому было интересно посмотреть на тех, кто посмел посягнуть на его собственность.

В том, что рыжая человечка принадлежит ему, Эраму де Вуду, скоро ни у кого не останется сомнений...

Дверь оказалась заперта... но какой замок сдержит высшего демона?

Она и в самом деле была там.

Маленькая. Беспомощная. Напуганная. Зажатая в угол джиннами, нагами, оборотнями. Он оказался на пороге в то время, как ей как раз пытались всучить панель и стилограф...

Стоило увидеть каплю крови на её пальчике, он озверел, сошел с ума. Кровный контракт! От его девочки, его вкусной рыжей девочки кто-то посмел потребовать кровный контракт!

Мишель не поняла, что произошло. А когда начала дышать, понемногу приходя в себя, забилась в угол, с ужасом вглядываясь в происходящее.

Она никогда не видела высшего демона в боевой трансформе.

Огненное чудовище раздавало удары направо и налево, и никто не посмел атаковать его.

Джинны отпрянули, наги, мигом обернувшись, расползли в стороны... Один из оборотней оскалится, рискнул огрызнуться... и тут же коротко взвыл, отброшенный в стену. Неловко сполз и больше не поднимался.

Видя, что второй оборотень заходит сзади, решили попытать счастья и джинны. Вряд ли они верили в свою победу, скорее всего, рассчитывали проиграть не так позорно... не вышло.

В считанные секунды огненное чудовище расправилось с шестью...

Когда всё закончилось, Эрам обнаружил Мишель, забившуюся в угол. Она сидела, обхватив колени, крепко зажмурилась, в ушах все еще стоял тошнотворный хруст, ноздри терзал запах палёного мяса...

Синее платье с белоснежным воротничком задралось и Эраму пришлось предпринять титанические усилия, чтобы подчинить демоническую сущность, загнать ту снова в ментальные оковы, сделать снова внутренней.

В изорванных, подпаленных лохмотьях он приблизился к Мими и опустился на корточки рядом.

Когда погладил большим пальцем щеку, девушка вздрогнула и открыла глаза.

Эрам выругался – через её щеку пролегла чёрная полоса копоти, прикоснувшись к малышке, он испачкал ее. Ощущение было, словно извалял в пыли новую игрушку, повредил обертку.

Мишель часто заморгала. Вид демона в обгорелых обрывках того, что еще недавно было безупречно отглаженным костюмом, был, конечно, не такой жуткий, как у того огненного монстра, кто в считанные секунды расправился с шестью... но... с этим Эрамом, открывшимся с новой стороны, шутить совсем не хотелось.

– Поехали, крошка Мими, – сказал он хриплым голосом.

Мишель сглотнула.

– Куда?

– В офис, детка, – сказал демон. – Я не шутил насчет кровного контракта.

На самом деле шутил. Пугал, блефовал... Дезориентировал.

Там, в сквере, угрозами обнародовать их маленький секрет он тешил инстинкт охотника, загоняющего добычу... Инкуб вовсе не собирался поступать с ней... настолько бесчестно.

Но когда увидел одну, среди этих... Запертую в лаборатории, загнанную в угол... с каплей крови от стилографа на пальце...

Эрам понял, от неё не отстанут. Вынудят, заставят, если понадобится снова прибегнут к шантажу.

Случай с русалкой был показательным.

О том, что у подонка Дэениса влиятельная семья, Эрам знал. То, что дружки будут мстить... предполагал, но объектом мщения должен был быть он, а не рыжая Мими с вкусными эмоциями.

А мстить высшему демону, наследнику многомиллионной унобтаниевой корпорации...

В висках пульсировало осознание: невозможно заключить два кровных договора одновременно...

Он заявит на неё права и подонки вроде этих или даже тех, кто ими руководит, до неё не доберутся. Кто решится тронуть собственность Эрама де Вуда? Даже звучит смешно.

– Ты задолжала мне кое-что, детка, – сказал инкуб, поднимаясь на ноги и помогая рывком встать Мишель.

Та покачнулась, оказавшись на ногах, придержалась рукой о стену.

Медленно, как сквозь толщу воды до неё доходил смысл сказанного демоном.

Который только что спас от ужасной участи... может ли он быть отвратительнее?

– Ты... опять ждешь благодарности?

Она поморщилась, до того слабым показался собственный голос.

А потом покосилась назад. Туда, где по-прежнему лежал разбитый ею прибор. Инкуб проследил ее взгляд.

– Как насчет контракта со мной, крошка Мими? Со мной одним?

В глазах Мишель отразилась ожесточенная борьба. По обострившемуся чувству облегчения, витающему в воздухе, радости, ощущению защищённости, было понятно, контракт с ним с одним – то, о чём крошка Мими не смела и мечтать.

И тут Эрам де Вуд ощутил себя полнейшим подонком.

Ведь когда он получит её, не по разовому соглашению, как в прошлый раз, а в рамках полноценного кровного контракта... демоническая природа возьмёт своё, ему захочется подчинять, доминировать, причинять боль...

Никогда его не волновали чувства жертвы. Человечки любое унижение переносили безропотно, как будто боялись чувствовать...

Мими не стеснялась проявления собственных чувств, эмоций... Там, в Тайной комнате, бесстыдно открытая, до непристойного возбуждающая, она, тем не менее, словно знала, чего хочет и брала это, нагло, бесстыже, страстно. Её кипучая энергия, вырвавшись на свободу бездвигала десяток демонов... А должна была принадлежать только ему, Эраму де Вуду.

У неё есть какая-то странная магия кормить эмоциями досыта, но она может давать их, а может закрываться, вот как сейчас... когда мир сразу померк, съёжился, стал серым и пресным.

Огненным пятном в нём осталась рыжая Мими с разноцветной, в радужных сполохах, аурой.

Воображение услужливо нарисовало заманчивую картинку: рыжая на простынях, в широких кожаных наручниках... Хлыст оставляет едва заметные следы на белой коже,

малышка балансирует на грани удовольствия, боли и стыда... особенно стыдно ей, когда хлыст скользит между ножек и касается потайного местечка... Мир взрывается яркостью её эмоций, стыдом, унижением, похотью, предвкушением и доверием... От её доверия зависит, получит ли демон её эмоции...

Из мечтаний Эрама вывело холодное:

– Ты подлец.

Демон осклабился в ответ.

– Точно. Я же высший демон, крошка Мими.

– Я... Я не буду ничего подписывать.

Эрам пожал плечами.

– Тогда заставлю. Если не хочешь, чтобы узнали о том происшествии в Тайной комнате, подпишешь, лакомая, никуда не денешься...

– Это же была моя плата за Заури! – Мишель чуть не плакала.

– За неё, – подтвердил Эрам. – Не за себя.

– Ты... ты подонок, – вырвалось у Мишель.

Поцелуй, властный, безжалостный поглотил её стон, захватил в плен волю, растоптал в прах гордость и попытки сопротивления. Он не был похож на тот, под соснами, в сквере. Этот поцелуй был с привкусом крови, с запахом гари и копоти. Подчиняя, он выбивал почву из-под ног.

– Чего ты хочешь? – всхлипнула Мишель. –

– Ты знаешь, детка. Но сперва мы заключим контракт.

Чтобы никому больше в голову не пришло посягать на тебя, конфетка Мими, добавил он про себя.

А потом ему придётся побеседовать кое с кем. Серьёзно побеседовать. И разобраться с этим фарсом по поводу разгрома лаборатории. Но сначала контракт с Мими.

Сразу на год.

Тот змеиный клубок, что свивался вокруг неё... Категорически, совершенно не нравился.

Когда инкубу нужна игрушка, он берёт её... на несколько дней. Максимум, месяц. Но в рыжей что-то такое было... Чего он не встречал прежде ни в ком. Эмоции, ощущения, переживания... такого вкуса нет ни у одной расы. И тем более у человечек. А эта странная особенность, что она может закрыть для него «доступ»? Не говоря уже о том, что с лёгкостью обездвижила... Сердце инкуба, сколько же демонов было в Тайной Комнате? Высшие, тёмные, светлые... С десяток одних только инкубов, это точно. И ещё королевский наг... Как ей удалось накормить всех досыта, да ещё обездвижить, чтобы смыться по-быстрому? Причём так умело!

Да, возможно, да скорее всего так и есть, она надоест ему... спустя недолгое время.

Но контракт лучше заключить на максимальный срок.

Его девочка должна быть в безопасности.

Глава 2

Смуглые мускулистые руки приподняли податливое женское тело, подтянули ближе, заставили бесстыже оттопырить бедра. Когда твёрдый член одним рывком ворвался в мокрое лоно, Нинет протяжно застонала, стараясь ещё приподняться и вобрать в себя то, что ей сейчас так необходимо, во всю длину. Стон вышел низкий, гортанный: стонать в полную силу мешал еще один член, во рту.

Тритон собрал её волосы в пучок и принялся насаживать склоненную головку на свой дерзко оттопыренный орган, заставляя Нинет вбирать его в себя до основания. Припухшие губы то и дело упирались в гладкую кожу.

– Теперь полижи, как следует, яйца, детка, – решил дать ей передышку тритон.

Юркий язычок Нинет заскользил по съёживающейся от её прикосновений плоти.

– А я поймею тебя в задницу, – сказал человек сзади, и, покинув сочащееся влагой лоно, вошел через другие врата. Грубо, рывком, до основания, сминая обеими руками бесстыдно оттопыренные ягодички.

Оборотень, лежащий рядом на спине, насытился первым и сейчас развлекался тем, что пощипывал её соски.

– Как она лижет? – хрипло спросил человек у тритона.

– Недостаточно тщательно, – ухмыльнулся тот в ответ и порицательно похлопал стоящую на четвереньках девушку по щеке.

– Я за тебя отомщу, – глумливо пообещал человек и звонко шлёпнул по круглым ягодичкам.

– А-а-ах! – взвизгнула Нинет, но отвлечься ей не дали. Собрав волосы в кулак, с силой прижали лицо к мошонке и принялись водить то одной, то другой щекой по влажной от её собственной слюны плоти.

Человек сзади крепко ухватился за покрасневшие ягодички и принялся бить бедрами так яростно, словно вознамерился выбить из девушки дух.

Нинет закричала от удовольствия в голос.

– Я сам за себя отомщу, – хрипло сказал тот, чей член до этого она сосала, и, перехватив покрепче волосы девушки, снова насадил её рот на свой член. Застонав от удовольствия, принялся бить бедрами.

Комната наполнилась хриплыми протяжными стонами, всхлипываниями, звонкими, развратными похлопываниями, каждое из которых сопровождалось тоненьким скулежом и взвизгиванием.

Оборотень, лежащий на спине расплылся в довольной улыбке. Приподнявшись на локте, чтобы лучше видеть, он взялся за восстающий член и принялся совершать ритмичные движения вверх-вниз.

– Да, детка, да!

– Морские боги! Ты чудо!

– М-м-м... мальчики... ещё!

– Нинет!! – раздалось гневное от двери.

В первый момент все действующие лица замерли. Только по смазливому лицу тритона прошла судорога, красноречиво говорящая, что разрядиться тот успел. Об этом свидетельствовало и то, что следом Нинет судорожно сглотнула.

– Мама! – возмущенно воскликнула девушка, выпуская обмякший член изо рта, но не меняя позы.

– Вон отсюда!! – крик получился таким властным, что в течение десяти секунд комната опустела.

Вслед за оборотнем, выпрыгнувшим в окно, таким же образом комнату покинули человек с тритоном. Судя по сдавленному крику снизу, один из них приземлился не вполне удачно.

– Прикройся, – прошипела леди Эвена Рассел, швырнув в дочь какой-то скомканной тряпкой.

И лишь после того, как Нинет нехотя закуталась в то, что оказалось шелковым цветастым халатом, разразился скандал. Тихий, шипящий, обличительный... но все же скандал. С грязными выражениями, со стаскиванием на пол простыней с дочернего ложа, с вызыванием служанок и приказом прямо сейчас заменить постельное белье на свежее.

Нинет с безучастным видом следила за происходящим, за шагающей по комнате матерью, которая говорила тихим от ярости голосом, за снующими туда-сюда служанками.

Вечно мать все преувеличивает. В конце концов, могут ведь и у нее быть маленькие радости, прежде, чем придется изображать из себя респектабельную замужнюю леди.

Конечно, Нинет не думала всерьёз, что придется изображаться леди двадцать четыре часа в сутки, но думать сейчас о том, что вскоре её посадят «на голодный паек», потому что как женщина своего жениха она не интересуется, было спокойнее.

– Твой отец – член сената, – продолжала разоряться мать, нервно вышагивая по комнате. – Ты с ума сошла, так себя компрометировать!

– Мама, ну что случится-то, – лениво пробормотала Нинет, закатывая глаза. – Я всегда осторожна в связях.

Леди Рассел красноречиво посмотрела на окно и брюзгливо поджала губы.

– Мы с отцом слишком многое отдали, чтобы заслужить нашу репутацию, – холодно проговорила Эвена Рассел. – Чтобы ты ни в чем не знала отказа. Чтобы перед тобой открылись все двери!

– Спасибо, мама, – с ехидцей проговорила Нинет. – Я выхожу замуж за высшего демона, чей отец вскоре станет членом сената, как мой собственный, хотя мне всегда казалось, что одного сенатора на семью достаточно... и, конечно, со временем, мой муж тоже, несомненно, войдет в сенат и будет вершить судьбы. Горизонты передо мной открываются – закачаться.

– Не передергивай! – строго сказала леди Рассел. – Ты никогда не думала о том, что не твой муж, а ты сможешь войти в сенат?

Нинет потрясенно замолчала.

Она не ослышалась? Мать говорит о ней?

– Женщина-сенатор? Мама?

– Первая женщина-сенатор, – подтвердила Эвена Рассел. – Но для этого тебе предстоит думать о своей репутации уже сейчас. Как и от том, как привязать к себе инкуба.

Вот теперь Нинет выглядела откровенно удивленной.

– А это-то как связано?

Леди Рассел посмотрела на дочь странным взглядом. Со смесью жалости и сожаления. А ещё так смотрит тот, кто вынужден хранить какую-то тайну.

– Напрямую, – бросила она, наконец.

Поскольку дочь не сводила с неё пристального взгляда, леди Эвена вздохнула и нехотя пояснила:

– Всему есть причина, Нинет. Даже тому, что мы с отцом вынуждены смотреть сквозь пальцы на твои беспорядочные связи. Это напрямую связано... с твоими особенностями.

– С какими особенностями? – тут же насторожилась Нинет. Она с детства привыкла, что ей многое сходит с рук, но казалось это потому, что она мамина и папина принцесса. Но сейчас в интонациях матери, во всем её облике было что-то тревожное. До того тревожное, что липкое, нехорошее предчувствие овладело Нинет.

– Ты такой родилась, – сдержанно ответила леди Рассел. – Мы с самого твоего рождения знали, что так будет.

– Какой? – голос Нинет дрогнул.

– Не такой, как все. Мы сделали все, чтобы предотвратить последствия того, что ты родилась именно такой...

– То пятно в ауре? – догадалась Нинет. – Профессор Огюст Цицерон говорил о нём, даже хотел ознакомиться поближе, детальнее, так он сказал. Я не позволила. Я ходила к нему в лабораторию за другим.

– Правильно сделала, – сказала леди Эвена Рассел. – Это не касается профессора Цицерона. А только нашей семьи.

– Что со мной, мама? – спросила Нинет. – Ты никогда не говорила об этом.

– Веская причина, чтобы закрывать глаза на твои шашни! – воскликнула леди Рассел. Щеки её покраснели, из безупречно уложенной прически выбилась непослушная прядь. – А также твоего обязательного брака с инкубом! Обязательного, Нинет! Если ты считаешь, что нам с отцом легко, знать, что наша единственная дочь – шлюха, которая не способна удержать передок в узде, и поставить тем самым знак пепла на политической карьере отца, ты серьёзно ошибаешься!

И так это было произнесено, что Нинет потупилась.

– Зря ты, мама, – сказала она соевствливо. – План у меня уже есть. И если на то пошло, в моих интересах, чтобы сейчас меня видело как можно больше народу...

Покидая веселый дом, Харлей де Вуд громко хлопнул дверью. От оглушительного лязга створки при том, что дверь оборудована доводчиками (была) стало только хуже. Он, высший демон, инкуб, утратил самообладание. Проклятье! Никакие деньги, а высший демон не скупился, как и уговоры, и даже угрозы не смогли сломить мадам де Жу. А значило это только одно: ей платили больше. Угрожали лучше. Уговаривали убедительнее.

Нанятые им частные детективы донесли, что все, кто присутствовал на момент представления той самой человечки в Тайной комнате, все искали её! Проклятье инкубов!

И поэтому именно он, Харлей де Вуд, должен добраться до вкусной девочки первым!

Он нанял лучших сыщиков, он говорил с самой мадам, он, он, Харлей де Вуд, один из самых привилегированных гостей весёлого дома де Жу! Что ещё должно случиться, чтобы мадам раскрыла ему секрет той человечки, накормившей до отвала десятерых демонов?!

Одно радовало: кроме него, Харлея де Вуда, все присутствующие на представлении демоны искали человечку. Даже светлый. И даже вроде профессор по высшей демонологии доктор Огюст Цицерон. Королевский наг, конечно, мотивировал свой порыв лишь научным интересом... хм. Так Харлей де Вуд ему и поверил!

В офис, где у Харлея де Вуда была назначена встреча с лучшим сыщиком Слитсберга, инкуб пришел за десять минут до оной.

Рыкнул на секретаршу, бегло просмотрел расписание на панели, внёс изменения... попытался.

В голове, да и других частях тела, тут же отозвавшихся чувством распираания, сидела вкусная человечка.

Опрокинутое назад хрупкое тело... Широко разведенные ножки в чулочках в развратную сетку.

Бутончики ярко-алых, покрытых кармином сосков дерзко торчат вверх...

Пальчики, играющие с влажными складочками, теребящие скользкий розовый бугорок...

Пухлые губы приоткрыты. Девочка всхлипывает и постанывает, словно просит остановиться и одновременно боится, что всё закончится...

– Господин де Вуд, к вам посетитель, – раздался голос секретарши. Улыбчивый, бесстрастный. Только чуткое ухо высшего демона уловило скрытую на самом дне обиду.

– Пусть войдет, – разрешил демон.

Лучший сыщик Слитсберга оказался невысоким пухленьким человечком непримечательной наружности. Инкуб был разочарован. Лучший сыщик – человечек? То есть по сравнению с нелюдьми, можно сказать, низшая раса, лишённая чутья оборотней, острого ума нагов, нахрапистости джиннов и силы высших демонов?!

Наверное, прав отец, когда говорит, что причина плодовитости и способности к выживанию в любых условиях людей обусловлена тем, что они воплощают собой все вышеперечисленные черты, так сказать, достоинство каждой расы... Хотя и в минимальном количестве...

Ладно, если человечку по силам достать для него, Харлея де Вуда, девочку с непохожими ни на какие другие вкусными эмоциями, высший демон может нанять и человека.

Однако бегло ознакомившись с предварительной отчетностью сыщика (надо отдать ему должное: он подготовился к встрече и предвосхитил его заказ, что вызвало у инкуба чувство, чем-то похожее на уважение), Харлей де Вуд вынужден был убедиться, что хоть сыщик свое дело знает, помочь вряд ли чем-то может. Но кое-что и утешало: его конкуренты, один за одним, терпели фиаско.

Пока секретарша, сверкая безупречным бюстом в безупречном вырезе безупречно отглаженной блузки, расставляла на столе чашки с кофе, Харлей де Вуд еще раз пробежался глазами по предоставленным данным.

Стоило двери в кабинет закрыться, Харлей поставил чашку на стол и поднял взгляд на сыщика.

– Значит, порадовать нечем? – хмуро спросил он.

Тот поморгал с таким видом, мол, за кого вы меня принимаете и шумно отхлебнул из крохотной чашки.

– Ну почему же, нечем, – сказал он и у Харлея де Вуда внутри что-то замерло.

Инкуб покосился на просмотренные данные и произнес с нажимом:

– Но ведь вы только что представили отчёт, что ниточек, ведущих к интересующей меня человечке, нет.

– Ну, почему же, – добродушно сказал человечек и допил содержимое чашки. – Кое-какую ниточку обнаружить мне удалось.

– И какую же? – с трудом удержался, чтобы не рыкнуть, демон. – Вы же сами сообщаете, что пусто. Как у меня, так и у всех остальных, кто ищет крошку.

– Именно, – подтвердил человечек, который, должно быть, издевался над Харлеем. – Все, кто ищет девушку, потерпели сокрушительное фиаско.

Демоническая сущность инкуба недовольно заворчала. Внешне это проявилось только в ставших в два раза ярче сине-фиолетовых глазах.

– Но, – сыщик назидательно поднял палец, – вашу пропажу ищут не все. Не все присутствовавшие тогда...

Как же так? Только сегодня они с Эрамом обсуждали работу детективов и утешались тем, что не им одним не везёт.

– Насколько я знаю, девочку ищут все, кто был тогда в Тайной комнате, – хмуро сообщил Харлей. – Даже профессор Цицерон.

– Все, – подтвердил сыщик. – Кроме вашего брата. Эрама де Вуда.

Харлей потрясенно сглотнул.

– Ну конечно, – сказал он после паузы. – Зачем моему брату искать человечку, если он знает, что я нанял лучших детективов, обратился к самому известному сыщику Слитсберга?

– Действительно, зачем, – нет, человечек явно издевался. – Ведь если бы вашему брату та самая человеческая девушка понравилась хотя бы... хм... хотя бы вполовину, как вам, как вы считаете, он не задумал бы собственное расследование?

Харлей откинулся на спинку кресла. Логика в словах сыщика была. Причем весьма неутешительная логика.

– Так что, подозреваю, а чутье никогда меня не обманывает (еще минуту назад эти слова вызвали бы у демона снисходительную улыбку), ниточку нащупать удалось. Теперь остается дернуть за нее, и мы с легкостью размотаем весь клубок.

Сыщик сменил свиток на панели.

– Ознакомьтесь с моим планом действий, господин де Вуд.

Уставившись в закрытую за сыщиком дверь, Харлей побарабанил пальцами по столу.

– У брата появились от меня секреты?

– Мишель?! В каком ты виде? Все в порядке?

Заури бросилась к подруге, которая должна была вернуться из лаборатории, от магистра Хольдера, как она сообщила в переписке, и вернулась. Спустя два часа после обещанного времени... но в каком виде... Синее платье местами обожжено, ещё белоснежный с утра воротничок заляпан чем-то бурым, волосы растрепаны...

Вообще Эрам де Вуд настаивал, чтобы после заключения контракта они отправились по магазинам, «чтобы приодеть её, как полагается», а она, согласно кровному контракту, обязана была принимать его подарки... но Мишель всё же настояла (или умолила... главное, что результативно), чтобы это случилось не сегодня.

Похоже, она была убедительна, когда заверяла, что ни разу не видела высшего демона в боевой ипостаси, а также ей просто надо принять в душ и прийти в себя от увиденного в лаборатории. Потому что одно дело знать о внутренней демонической сути инкуба, и совсем другое – видеть оную наяву и в деле. Наверное, её доводы показались инкубу убедительными, а возможно, он спешил уладить кое-какие дела, касающиеся опять же случившегося в лаборатории... Но Эрам де Вуд отпустил свою новую конкубину, хоть и не без сожаления.

Мишель прислонилась спиной к стене и сползла на пол.

– Если не считать кровного контракта с высшим демоном, – пробормотала она. – То... вполне.

– Морские боги! Кто? – только и смогла вымолвить Заури.

Пришлось все рассказать подруге. Учítывая, что разговор продолжился в душе, правда залезать в душевую кабинку вслед за подругой русалка не стала, было в этом какое-то *déjà vu*.

– Ты теперь... конкубина? – ошалело переспросила русалка и икнула.

Мишель задумчиво прикусила губу и принялась яростно намыливать спину мочалкой на ножке.

– На этот раз я проследила, чтобы в контракт был внесен пункт о конфиденциальности – как в течение его действия, так и после. Ещё мне не запрещено учиться и жить в общежитии. В общем, у меня впереди целый год, чтобы сполна рассчитаться с демоном за помощь. Да и если честно, знать, что пока действует наш контракт, никто не заставит меня подписать ещё один без ведома Эрама де Вуда... Учítывая случившееся в лаборатории это пусть небольшая, но все же отдушина.

Русалка хлопала ресницами, открывала и закрывала рот.

– Ты – конкубина, – наконец, смогла выговорить она. – Ты – собственность инкуба!

– У нас в договоре есть пункт, – сказала Мишель, вылезая из кабинки и вытираясь. – Он не вправе принуждать меня к близости. Я так поняла, ему нужны мои эмоции... А ещё, судя по рассказанному тобой, Лилит и Ванессой, инкубы склонны быстро пресыщаться. Значит, я скоро ему надоем.

– Демоны пресыщаются тем, что у них в руках, да, – проговорила Заури. – Но не тем, что недоступно... Хотя кого я обманываю! Мишель, дорогая, инкубу не придется принуждать тебя к близости! Ты сдашься сама... Морские боги, это всё из-за меня...

– Эй! – Мишель бросилась к подруге. – Ты здесь вообще ни при чем! Мне практически ничего не стоило добиться от Эрама де Вуда твоей защиты! Я серьезно! Это представление в

Тайной комнате... Да меня ведь никто пальцем не коснулся... И сейчас не коснется... Наверное... Я так думаю, – Мишель решительно потрянула головой. – Думаю, риск остаться без развития магического дара и без стипендии будет действовать на меня, как ушат холодной воды... когда этот демон будет рядом.

Заури посмотрела на подругу недоверчиво.

– Эрам де Вуд подписал документ, в котором согласен не лишать тебя девственности?

Мишель потупилась.

– Там оговорено, что он может и будет пытаться...

Она закуталась в халат и подруги вернулись в комнату.

Усаживаясь на кровать, Мишель заметила конверт на своей тумбочке.

– Что это?

Заури хлопнула себя по лбу.

– Я и забыла! Тебе принесли, днём. Я хотела сразу сказать, но, согласись, у тебя новости покруче.

Хмурясь, Мишель вскрыла конверт и потрясла его над кроватью. Выпал картонный прямоугольник.

– Одноразовая банковская карта? – спросила она Заури, которая ёрзала рядом от нетерпения. – У нас договоренность с Эрамом де Вудом: я не принимаю от него деньги!

Но судя по картонке, кто-то открыл в банке счет на ее имя. Когда поднесла к прямоугольничку линкофон и на экране высветилась сумма, Мишель ахнула, а у Заури перехватило дыхание.

– Эт-то... что?

Она недоуменно покрутила головой и только сейчас увидела, что вместе с карточкой из конверта выпал сложенный пополам листок бумаги. Совсем небольшой.

Мишель развернула его, а затем шумно выругалась.

– Что там? – заглянула русалка через плечо.

Не отвечая, Мишель протянула ей конверт.

– Твоя доля, крошка, и спасибо за сотрудничество. Если захочешь поработать вместе, всегда добро пожаловать. Мадам Д.Ж., – прочитала ундина.

– Мерзость какая! – вырвалось у Мишель. – Я не прикоснусь к этим деньгам! Не было у нас никакого сотрудничества, не было! Было соглашение с демоном. С демоническим инкубом!

Заури картинно закатила глаза и пожала плечами.

– Как ты себя чувствуешь? – запоздало поинтересовалась Мишель.

Русалка фыркнула.

– После посещения лучшей клиники Вилскувера, которое устроил твой... нет, не поворачивается язык назвать его хозяином, твой Эрам де Вуд в общем, где со мной работали лучшие специалисты, в том числе специалисты по ментальному воздействию, энергетические психологи... после всех этих снадобий, в том числе таких, которые полностью восстанавливают тело, обновляя и оздоравливая его, а еще после освобождения от учебы на неделю? Да я никогда себя лучше не чувствовала! Мы же пойдем на вечеринку к Посейдону? Ну пожалуйста, Мишель! Ты честно обещала подумать...

Мишель посмотрела на подругу с сомнением.

– Там будут только русалки и тритоны, – напомнила Заури.

Что ж... Эффективность лечения, это, конечно, здорово, но ведь Заури, похоже и вправду не помешает отвлечься. Да и ей самой... Её обязанности конкубины Эрама де Вуда затребуют с завтрашнего дня. Так почему не повеселиться, ну, хотя бы не отвлечься напоследок?

Тем более это совсем рядом, даже ехать никуда не надо. Согласно заверению Заури, один из тритонов-старшекурсников просто (вообще-то это все по большому секрету) воспользуется служебным положением и откроет лабораторный бассейн в неурочное время... И будут там

только русалки и тритоны... А Заури, похоже, после всего случившегося не помешает побыть среди своих...

Глава 3

Стоило миновать сквер, где всё – шелест листьев, свежие травяные и хвойные запахи напоминали о поцелуе инкуба, отчего сердце Мишель билось быстрее, а коленки подкашивались, путь им преградило несколько силуэтов.

Фурии!

Адепки стояли, скрестив на груди руки и явно поджидали их, Мишель и Заури. Это становилось очевидно по насмешливому выражению грубоватых лиц, которое словно говорило: «попались, козочки!»

Внутри у Мишель всё сжалось. Она испугалась за подругу: если фурии скажут ей в лицо то, о чем говорили за спиной, когда обрывки разговора долетали до Мишель... несомненно, это причинит дополнительные страдания восприимчивой русалке. Поэтому она сжала кулачки, и, сглотнув, шагнула вперед, полная решимости не давать в обиду Заури, которой итак досталось.

– Какие люди, – проворковала фурия, которая, Мишель без труда поняла, была здесь за главную. Против воли залюбовалась какой-то свободной, чуть грубоватой красотой: крупные черты лица, красивое сильное тело, высокомерный и насмешливый взгляд. К её облегчению, объектом ненавидящих взглядов фурий была она, а не русалка.

– Вы что-то хотели? – Мишель постаралась до последнего не допускать конфликта, поэтому «включила дурочку», мол, не понимаю ни ваших ничего хорошего не обещающих интонаций, ни соответствующих интонациям лиц. В большой приёмной семье, где она периодически была изгоем, время от времени прокатывало...

– Хотели поговорить, – ответила грубоватым голосом фурия. – Об Эраме де Вуде.

Мишель вздрогнула.

Фурия шагнула ближе.

– Что у тебя с высшим демоном, человечка? Или ты не знаешь, что такие как ты – фактически корм для таких, как он?!

– Как тебе не стыдно так говорить? – возмутилась Заури. – Люди – универсальные доноры для высших рас! У них есть то, чего нет у тех же фурий, именно поэтому вы неинтересны инкубам!

– Что ты сказала? – окрысилась фурия. – Мы – неинтересны?!

Видно было, что внутри адепки идет нешуточная борьба, с языка вот-вот сорвутся обидные слова, но, видимо, внушение Эрама де Вуда оказалось действеннее. Поэтому Мишель расслабилась. Заури они не тронут, а она, Мишель, как-нибудь справится. В конце концов, если и поколотят, то вряд ли сильно. Их-то всего трое. Куда меньше, чем бывало так сказать, дома... Бежать Мишель точно не будет, знаем, пробовали, когда догоняют, бьют с большим остервенением, а отбиваться сил нет. Лучше, если дело дойдет до драки, поберечь силы.

– Послушайте, мы просто хотели пройти, – сказала Мишель. – И наши отношения с Эрамом де Вудом касаются вас в последнюю очередь.

Вот так. Просто, честно. Доступно. Без оправданий и заигрываний.

Кто же ожидал, что фурия нападет?

В секунду рослая фигура оказалась рядом с Мишель, а в следующий миг фурия схватила Мишель за волосы и рванула вниз, вынуждая нагнуться.

Это она зря. Мишель слишком хорошо знала, что в подобной ситуации следующим будет удар коленом в лицо (проходили), а ещё она не выносила, когда прикасаются к волосам. В подростковом возрасте даже стричься умудрялась сама, сикось-накось, но зато никто посторонний волосы не трогал... Поэтому, как избавляться от этого захвата, она очень хорошо знала. Выучила эмпирическим путем.

Рывок, подсечка, удар в лицо. Неприятный хруст. Должно быть, от поломанного носа. Ещё удар!

Фурия тоже дралась. Не на шутку. Но, благодаря внезапности, перевес оказался на стороне более маленькой и юркой Мишель.

Две другие фурии в драку не полезли. То ли считали, что хватит с Мишель и одной фурии, то ли действительно впечатлились бойкостью и непримиримостью человечки.

Мир сузился до череды ударов, уворачиваний, причитаний русалки, которая никак не могла подступить, насмешек фурий, снова ударов... И в то же время в висках пульсировала мысль: не дай Богиня Заури ляпнуть, что Мишель, по сути, собственность Эрама де Вуда, и если что, разбираться придется с инкубом... Но ундина промолчала. Должно быть, понимала, что подруге неприятно будет такое слышать. Куда неприятнее, чем тычки и затрешины от фурии.

Растащили их проходящие мимо тритоны, явно уловившие своей эхолокацией эмоции Заури.

Двое держали фурию, один, самый рослый, вынужден был поднять Мишель, обхватив ту за талию.

– С ума сошли!

– Драки на территории академии запрещены!

– На отчисление захотели?

Надо сказать, только последний аргумент и подействовал на Мишель. Она перестала вырываться и отвечать на довольно грязные ругательства фурии.

На обещание той встретиться с ней снова, на этот раз не на территории академии, Мишель запальчиво заявила, что ждёт с нетерпением, когда сможет оторвать фурии голову, потом пинать ту до границы Слитсберга.

– Ну ты даешь, – восхищался тритон после того, как после обещания Мишель «вести себя наконец-то хорошо», поставил ту на ноги. – Никогда бы не подумал, что в такой маленькой человечке может уместиться столько ярости, эй, эй, тише, я же пошутил! Я просто к тому, что обычно, ну, тот, кто объективно слабее, пытается решить проблему миром... или бегством.

– Я никогда не побегу, – заявила успокаивающаяся Мишель. – Пробовала. И меня гоняли по улицам, как зайца. Больше такого не повторится.

– Ну, в таком случае, добро пожаловать в гости, – тритон сделал приглашающий жест вперед. – Я рад, что ты ответила согласием, Заури. И пригласила такую... эм... экстравагантную подругу.

– Так ты и есть Посейдон? – когда до Мишель дошло, что только что болталась в воздухе в руках хозяина вечера, стало стыдно.

Тритон улыбнулся, кивая.

В свете фонарей удалось рассмотреть тритона лучше. Практически все они, представители этой расы вызывали у Мишель ассоциацию с аниме – такие же большеглазые, черты лица словно кукольные, словом очень привлекательные и смазливые «мальчики» с нежной, словно фарфоровой кожей, притом высокие, и, как правило широкоплечие, с невероятно развитой грудной клеткой.

Темноволосый, большеглазый, со снисходительной усмешкой и открытым лицом тритон был хорош. От Мишель не укрылось, как Заури смотрит на него. Так смотрят на рыцарей и героев героини сентиментальных фильмов и романов. Мишель постаралась сдержать улыбку: ну ничему жизнь не учит! Хотя одно то, что подруга заинтересовалась кем-то «своей расы» было, пожалуй, утешением.

А вечеринка среди «хвостатых» не разочаровала.

Опять же, удалось увидеть русалок и тритонов в истинном облике. Мишель, словно зачарованная пялилась на длинные, переливающиеся, покрытые блестящими чешуйками хвосты.

А «морской народ», в свою очередь, не без гордости их демонстрировал, забавляясь реакцией человечки из межмирья.

По негласному соглашению между собой к алкоголю подруги не притрагивались. Блюда, где основным ингредиентом были водоросли, Мишель тоже пробовала с осторожностью.

А в остальном идея прийти на такую вот закрытую вечеринку радовала с каждой минутой все больше.

Все было как-то тихо, очень уютно, по-домашнему.

Из приглашенных, как и заверяла Заури, действительно только русалки да тритоны, причем народу немного, человек пятнадцать.

Музыка, напоминающая собой журчание воды, тихий смех и певучие голоса русалок – откинувшись на спинку удобного кресла, Мишель вовсю наслаждалась уютным, спокойным вечером, а ненавязчивое влияние тритона, оказываемое, преимущественно Заури, было довольно милым и приятным аккордом подошедшего к концу и богатого на приключения дня.

Словом, вечер выдался чудесным, именно таким, какой и нужен был Мишель после всего нахлынувшего... до определенного момента.

– Господа! Я осведомлен, что не был удостоен чести быть приглашенным на вашу вечеринку, но у вас случайным образом, по-крайней мере я очень на это надеюсь, оказалось то, что принадлежит мне. И без своего, как вы можете со свойственной вам эхолокационной проныцательностью догадаться, я отсюда не уйду.

Довольный визг русалок, тут же окруживших высшего демона разноцветной стайкой, неприятно резанул по ушам Мишель.

Она скривилась и закусила губу.

Надо признать, высокий, до умопомрачительного красивый опасной демонической красотой, в идеально сидящем на нем костюме, инкуб до неприятного хорошо смотрелся в окружении русалок в купальниках. Со стройными гибкими телами и замутненными частью от алкоголя, частью от демонического обаяния инкуба, глазами.

Посейдон, как хозяин вечеринки, привстал с соседнего с Заури лежака и ленивой походкой направился к демону. Мишель успела заметить, что по лицу Посейдона скользнула судорога. Это было чем-то большим, нежели просто нежелание видеть у себя на вечеринке демона. Мишель подумала, что есть, несомненно, что-то, за что тритон не любит инкуба.

– Ты ничего не перепутал, Эрам де Вуд? – осведомился тритон. – Кроме того, что тебя, действительно не приглашали. И здесь нет... никого и ничего, на что ты мог бы претендовать.

– Ошибаешься, – сообщил демон и жестом отослал подоспевшего с подносом официанта. За свой порыв бедняга удостоился такого испепеляющего взгляда тритона, что вжал голову в плечи, явно мысленно прощаясь с чаевыми.

– И как это понимать, детка? – спросил Эрам, подходя к Мишель и больше не обращая внимания на хозяина вечера. – Мало того, что ты не спросила разрешения у меня, можно ли тебе сегодня выйти из дома, так ты ещё мне ничего не сообщила.

Мишель вздрогнула, ожидая, что сейчас прозвучит унижительное «конкубина», и это пятно на репутации останется на ней до окончания академии.

Инкуб улыбался, но в его интонациях сквозила сталь и вечная мерзлота. Холодными были и глаза, взгляд, которым он ощупывал Мишель. В определенный момент он сощурился, нахмурился, что заставило Мишель поёжиться.

– Я недостаточно красноречив? – почти прорычал он. – За мной, конфетка Мими. И если ещё раз сделаешь что-то против воли папочки, гореть твоей маленькой заднице. И не у меня в машине, а на виду у всех. Ясно?

Не дожидаясь ответа, Эрам де Вуд развернулся и пошел к калитке.

Щеки Мишель пылали от следа. Все внимание присутствующих оказалось приковано к ней. Сегодня, после заключения кровного контракта с инкубом, она испытала что-то вроде

облегчения: демон заверил, что дружки Дэениса от неё отстанут. И даже благодарность: инкуб не возражал, чтобы она провела вечер в общежитии.

И вот оказывается, какова цена этим его обещаниям «получать свою выгоду от контракта» (проклятый демоняка уверял, что от их соглашения выиграла только Мишель) только с завтрашнего дня!

Вломиться на вечеринку, куда тебя не приглашали, опозорить её... Пообещать прилюдно выпороть!

Но по контракту она – его собственность на ближайший год... И он ведь не вправе брать её силой... Но ведь прилюдная порка не относится к принуждению к близости? Ведь так? А значит это только одно... Богиня, он и в самом деле вправе ее выпороть! Какой стыд! Нет, если он сделает это, это станет несмываемым позором...

Эрам де Вуд захлопнул за ней дверь и уселся за руль, глядя перед собой.

Положив руки на полукруг руля, он замер.

Мишель, которая собралась уже высказать ему за демонстрацию крайнего к ней неуважения, причем на глазах у всех, испуганно сжалась. От демона так и веяло злостью и опасностью. Но неужели его так разозлило, что она прогулялась к одному из бассейнов, ещё и на территории академии?

Она ждала, когда инкуб, наконец, заговорит, но когда раздался его тихий, шипящий от скрытой ярости голос, вздрогнула.

– Значит, вот что имеет ввиду конфетка Мими, когда говорит, что устала и хотела бы отдохнуть?

Прежде, чем Мишель успела ответить, демон продолжил:

– Что и часа не пройдет от ее обещания, как она побежит тискаться со скользким хвостатым?!

Демон медленно повернулся к ней. Злой. С горящим синим огнем глазами, челка выбилась из безукоризненной прически и прилипла ко лбу.

Мишель сглотнула.

Она собиралась что-то ответить, но обвинение инкуба было слишком уж несурзным... и слишком внезапным. Вместо ответа она часто заморгала.

– Надо же, какая невинность во взгляде! – рявкнул демон и Мишель отшатнулась. – А я еще не хотел трахать тебя в машине, на ходу, как компаньонку! А тебе, оказывается нравится заниматься этим на глазах у всех!

– Я, – забормотала Мишель. – Я не понимаю... Я правда, не понимаю, о чём ты...

В следующий миг её рывком притянули к себе. Нос демона уткнулся ей в шею, а затем инкуб с шумом втянул воздух. Мишель почему-то ощутила себя подвешенной за шкурку над пропастью.

– Не понимаешь, сладкая Мими? – угрожающе промурлыкал демон. – На тебе его запах!

– Кого? – пискнула Мишель, опасаясь вдохнуть.

– Тр-ритона, – прорычал инкуб, а Мишель, наконец, облегчённо выдохнула.

– Он... помог мне, – пропищала она.

Инкуб отстранил её от себя и заглянул в глаза. От злого и очень голодного взгляда демона по коже побежали мурашки.

– Помог? – спросил демон таким тоном, что Мишель поспешила объяснить:

– Они разняли нас с фурией... Мы... Мы подрались.

На этот раз её отстранили еще дальше, она даже оказалась в соседнем кресле.

– Ты поэтому выглядишь такой потрёпанной, детка? – спросил Эрам уже спокойнее.

Мишель пожала плечами и неопределенно кивнула, мол, должно быть, поэтому.

– И чего вы не поделили с фурией, конфетка Мими? – демон все еще продолжал хмуриться, но ярость, слава Богине, пошла на спад.

– Скорее кого, – буркнула «конфетка Мими», поморщившись.

– Крошка, – сказал Эрам уже другим тоном. – У тебя проблема с фуриями? Из-за меня?

Мими пожала плечами и неожиданно для себя хлопнула носом. Стало вдруг так себя жалко... Итак проблем выше крыши из-за него, так он ещё подозревает неизвестно в чём, позорит перед всеми, и это ещё после схватки с фурией... И пусть Мишель успела наставить той синяков, нежелательный физический контакт будучи в разных весовых категориях до сих пор ощущался...

– Значит, я должен был сказать хвостатому спасибо, – протянул Эрам.

– Не помешало бы, – снова хлопнув носом, прогундосила Мишель.

– Одно мне непонятно: почему ты не обратилась сразу ко мне? – хмуро спросил демон, из-за собственных размышлений, видимо, не заметивший такой разительной перемены в «конфетке Мими».

– Ага! – уже откровенно проплакала Мишель. – Сам говорил, демоны, мол, не воюют с женщинами! А сам приходишь к друзьям моей подруги, позоришь перед всеми, а я ведь ничего не сделала плохого! Мы даже за территорию академии не выходили! Заури развеяться надо, она целый день взаперти просидела, наедине со своими мыслями! А ты только о себе и думаешь! У-у-у! Так нечестно!

Вот теперь вид демона был откровенно опешившим.

Внутренняя, демоническая сущность с упоением, чуть ли не мычанием поглощала вкусную горечь, безысходность, отчаянье... А самому Эраму, который впервые ощутил себя отдельно от внутреннего демона отчаянно захотелось сделать что-то, чтобы Мими прекратила плакать, улыбнулась... чтобы испытала что-то вроде благодарности к нему. По прошлому опыту общения с рыжей он знал, сколь щедра она на благодарность и сейчас старался унять аппетит внутреннего демонюги.

Мишель не поняла, как это произошло, но после того, как сильные руки инкуба подхватили её подмышки, оказалась на коленях инкуба. Больших, очень удобных. И горячих.

Демон же склонил её головку к себе на плечо, другой рукой провел по спине.

Надо же, маленькая и такая худенькая, что боишься ненароком причинить ей боль, и при этом такая умопомрачительно свежая, вкусная... пылающая огоньком благодарности Мими.

Отчаяние и беспомощность схлынули, на смену пришло удивление, пожалуй, даже шок... и вместе с тем ощущение уюта и защищенности... Которое, в свою очередь вызвало так необходимую сейчас инкубу благодарность.

Поправляя огненно-рыжий локон Мими, Эрам заметил, как у него дрогнули пальцы.

Наверное, поэтому и проговорил несколько грубовато, поднося крошке одноразовый платок к носу:

– Ну-ка, высморкайся хорошенько. Не хватало, чтобы ты сделала это на мой костюм.

Мишель смутилась до ярко-алых щек, но было в этой беспомощности в объятиях демона что-то такое упоительное, что не смогла не послушаться.

А после того, как демон сунул насквозь влажную салфетку в утилизатор, её заботливо вернули на пассажирское кресло.

Когда химера утробно, еле слышно зарычала, Мишель испуганно спросила:

– Куда мы едем?

Стоило струйке эмоций рыжей оборваться, внутренний демон зарычал почище химеры, а Эрам поморщился.

Испугавшись, Мишель тут же перекрыла для него доступ к своим эмоциям.

– Вообще-то на сегодняшний вечер у меня были совершенно другие, далекие от приличия планы, крошка, но судя по твоему настроению, тебе и в самом деле не мешает хорошенько отдохнуть, прежде чем снова искать проблем на свою очаровательную задницу, Тысяча и одна неприятность.

Демон посмотрел на Мишель так выразительно, что сердце застрочило с утроенной скоростью.

– К тому же ваш праздник оказался настолько кислым, что не помешает завершить его каким-то подходящим аккордом. Надень это.

Под контролем Эрама Мишель надела что-то среднее между шлемом и маской для плавания. После того, как он пробежался пальцами по ручке её кресла, то чуть откинуло спинку и выпустило широкие ремни. Ощущения от них были похожи на объятия, Мишель даже успела подумать, что в таком удобном положении немудрено и заснуть.

А потом машина взлетела.

Без разгона, без предупреждения демона.

Мишель взвизгнула, первый раз от страха, второй – от восторга! Она ощутила себя в лунопарке, на самом страшном и поэтому самом притягательном аттракционе.

Галдур Магинен осталась далеко внизу, в лицо бил свежий ночной ветер. Демон на соседнем сиденье ухмылялся, вид у него был довольный, как у кота, что нализался жирной сметаны.

Изначально он хотел немного покружить над территорией академии, девчонки всегда так смешно пищат, когда мобиль неожиданно взлетает. Мими оказалась совсем другой. Она молчала, отчаянно закусив губу. Но при этом фонтан её восторга был таким мощным, что внутренний демон удивлённо зарычал от сытости.

Усмехнувшись смешной, но такой падкой на проблемы, Мими, Эрам направил мобиль в Вилскувер, на крышу одного из шарообразных зданий, парящих в воздухе. Там, на верхней площадке, располагалась лаунж-зона гостиницы для иномирян.

У ожидающей чего угодно Мишель рот приоткрылся от удивления. Ресторан, в который они прибыли, поражал воображение роскошной технократичностью, изобилуя сочетанием хромированного и хрустального блеска.

Коктейль и десерт, которые заказал ей демон после заверения, что неголодна, были умопомрачительно вкусные, обзор ночного Вилскувера – захватывающим, плед, в который Эрам де Вуд её закутал, не позволив официанту прикоснуться к ней, мягким и тёплым. А сам демон, оказывается, умел быть в меру наглым и бесцеремонным. Впрочем, несмотря на его откровенные взгляды и шуточки, за действиями инкуба чувствовалась забота.

И в груди у Мишель было тепло от благодарности.

Стоило ей доесть десерт, инкуб сообщил, что отвезет её в общежитие.

– И постарайся на этот раз быть пайнкой, конфетка Мими, – сказал инкуб, снисходительно улыбаясь. – Знакомство с тобой оказалось чересчур насыщенным даже для меня, высшего демона. Проще говоря, мне самому не мешает хорошенько выспаться. Первый раз встречаю человечку, которая умудряется вляпываться в неприятности с такой завидной регулярностью.

Мишель хотела сообщить, что сегодняшней дракой с фурией вообще-то обязана ему, но промолчала, позволив помочь застегнуть на себе ремни и потупившись под пристальным взглядом демона.

А Эрам смотрел на неё и понимал, что пару дней и даже пару недель рядом с ней ему будет мало.

Он планировал переспать с ней прямо сегодня, слишком энергозатратно оказалось вытаскивать крошку из неприятностей, но её доверие, благодарность, восторг, которыми щедро окатило его сегодня... эти эмоции хотелось продолжать чувствовать, слышать. К тому же он знал, что стоит ей закрыться – и ему достанется только созерцание радужного фонтана её ауры.

А переспи он с ней – она станет, как остальные человечки, у которых была связь с инкубом. Жалкие, влюбленные, помешанные, до приторного липкие. Пресные и неглубокие, словно страсть высшего демона лишала их глубины, оставляя за собой лишь мелководье.

Припарковав мобиль возле общежития, Эрам посмотрел на неё и усмехнулся.

Рыжая заснула. Вид у неё во сне был очень сладкий и очень трогательный, беспомощный. В другой раз Эрам не раздумывая отвёз бы её к себе, положил рядом... И, когда проснулась бы...

Но буквально пару часов назад Мими так умоляла оставить ей возможность ночевать в общежитии, что... Впервые в жизни Эраму де Вуду не хотелось спешить. Хотелось сначала предвкушать свое новое лакомое блюдо, а потом долго-долго его смаковать.

– Приехали, конфетка Мими.

Губы демона были твёрдыми и горячими, поцелуй лёгким и нежным... Прежде, чем проснулась окончательно, Мишель ощутила тугой сладкий спазм внизу живота, что почему-то совпало с самодовольной улыбкой инкуба.

Он впервые целовал её как-то терпеливо, с щемящей сердце смесью скрытой страсти и заботы и Мишель, убаюканной полётом, захотелось, чтобы это не прекращалось.

– Ненасытная Мими, – промурлыкал демон, продолжая целовать. – Сладкая, нетерпеливая конфетка...

Мишель проснулась окончательно. Она... она и в самом деле млела от прикосновений демона, и он каким-то образом это знал! Как восхитительно стыдно...

– Мы уже... прилетели? – пролепетала она, оглядываясь.

Одним нажатием кнопки демон не без сожаления освободил её от ремней и открыл дверцу.

– Прилетели, крошка Мими, – сказал он. – Увидимся завтра, на занятиях. Постарайся не влипнуть в неприятности хотя бы одну ночь.

– Спасибо за вечер, – искренне сказала Мишель. – И за полет... И за то, что помог днём с этими... этими...

Она хотела сказать «подонками», а как ещё можно обозначить тех, кто требовал от неё кровный контракт, но потом поняла, что под это определение подходит и тот, кто от неё этот самый кровный контракт получил... Поэтому замаялась. Тем более, инкуб сразу же остудил её порыв волной непрекращающегося цинизма. В своём стиле.

– Обычно меня благодарят минетом в машине, крошка Мими, но твой первый официальный рабочий день только завтра, поэтому сегодня, если прямо не терпится отблагодарить, то только на добровольных началах.

Вспыхнув до самых корней волос, Мишель выскочила из мобиля и в пару прыжков преодолела крыльцо общежития.

Когда за ней с шумом захлопнулась дверь, Эрам улыбнулся. А потом чёрный мобиль с серебристыми крыльями оторвался от земли и скрылся в ночном небе.

Мишель неслась по коридору, готовая смести все на своем пути.

Чёртов демон! Только начинает казаться... не такой циничной сволочью, какой является, как тут же всё портит! Не дает забыть о своей гадкой натуре! Да, она принадлежит ему, согласно кровному контракту, но он... он... мог бы вести себя повежливее! Зачем быть таким подонком?

И... да, по договору он не вправе склонять её к близости, это оговорено отдельным пунктом, но входит ли в понятие близости... то, о чем говорил инкуб? Для Мишель – да! Для демона... Мишель сомневалась. Значит ли это... что он потребует от неё подобного... уже завтра? Вправе... потребовать?

Она свернула за поворот сама не поняла, что произошло.

Споткнувшись о что-то твёрдое и мягкое одновременно, растянулась на полу, больно приложившись локтем и коленкой. А когда поднялась и рассмотрела то, обо что споткнулась, заорала, срывая голос, пытаясь отползти.

Перед ней, на спине лежала фурия. Та самая, с которой сцепились на выходе из сквера. Неподвижная, даже зачочневшая. Немигающий взгляд устремлён в потолок.

Глава 4

В ожидании федералов, которые явятся и увезут её в следственный изолятор, Мишель ожидала в подвале лабораторного корпуса.

Стены здесь пахли сыростью, затхлостью, звериным духом и как будто даже немытыми телами. Воздух был тяжёлый, стоячий. Вдыхая его, Мишель недоумевала, откуда в Галдур Магинен вообще взялся такому странному и неприятному месту, а ещё думала, что вот так, должно быть, пахнет безысходность.

В ожидании следователя Мишель посадили в самую настоящую клетку, с полом в выбоинах и обшарпанной, в бурых пятнах, скамейкой. Страшно было представить, что за зверя здесь держали до неё, откуда выбоины на полу, так похожие на следы гигантский когтей и отчего металлическая скамейка проржавела почти насквозь.

Ржавый унитаз находился тут же, и оттуда тянуло сточной канавой. Предполагалось, что нужду задержанная должна справлять на месте. Мишель с ужасом и омерзением думала о том, что настанет момент, когда ей придется это сделать: под перекрёстными взглядами охранников: двух людей и нага, который время от времени поглядывал на её шею с невозмутимо-заинтересованным видом.

Её трясло крупной дрожью, несмотря на апатию, которая накатила девятым валом, подгребла под себя, усадила на эту ужасную скамейку посреди клетки. Невозможно было даже облокотиться, хоть о прутья, а лечь не позволяла гордость.

«Как я ещё на ногах-то держусь», – с изумлением думала Мишель. Последние события ставшей вдруг не в меру насыщенной жизни проносились яркими вспышками.

Временами она начинала слышать какие-то невнятные голоса, видела людей и нелюдей, которых прежде тут не было и которые исчезали, стоило помотать головой. Из чего Мишель заключала, что это грёзы, сны наяву. Она достигла такой точки усталости, когда начинает галлюцинировать.

«Меня обвиняют в убийстве, – жвачкой тянулось в мыслях Мишель. – В убийстве. Меня нашли рядом с трупом фурии. Той самой фурии. Меня обвиняют в убийстве. В убийстве».

И всё же повторение не давало поверить в подуманное, осмыслить его. У Мишель то и дело возникало ощущение, что всё это – начиная с той самой злополучной встречи в ресторане, с Владом, один затянувшийся кошмар, и вскоре она проснётся от надрывного кашля бабушки, а потом та спросит на всю квартиру, не спит ли Мишель и, раз уж не спит, то пусть принесёт стакан воды...

Когда бабушка, в халате и войлочных домашних валенках оказалась сидящей на свободном стуле, рядом с нагом-охранником, а сам наг превратился в сводную сестру, которая презрительно сообщила, что за бабулей и без её, Мишель, соплей, есть кому присмотреть, Мишель помотала головой, поняв, что опять заснула наяву.

«Вроде бы... у меня должны быть какие-то права... Последний звонок там, или что-то в этом роде... Жаль, что я не знаю местные законы, – тянулось в голове Мишель. – И какое наказание здесь за убийство...»

Последняя мысль прозвучала почему-то голосом фурии и Мишель снова встрепенулась.

Во время войны во Вьетнаме взятых в плен американских лётчиков, пытали «отсутствием сна». Пленных привязывали или приковывали к стулу и заставляли сутками сидеть на месте, не позволяя менять позы, при этом не давая спать.

Настоящая ситуация, с перекрестными взглядами федералов, и время от времени чем-то уничижительным, произносимым в её адрес, напоминала Мишель уроки истории. И эта невозможность облокотиться... так, что приходилось сидеть, сжавшись в комок, поставив локти на колени, ощущая всем телом вес собственной беспомощности и какой-то безысходности...

Некстати вспомнилось, что в американском лагере Гуантанамо в двухтысячных к заключённым применялась пытка музыкой – лишение сна и покоя при помощи громкой продолжительной музыки, и эта мысль почему-то вызвала временное облегчение: Мишель от души порадовалась, что здесь хотя бы тихо, не то, что в коридоре, по которому её вели, где из-за решеток вдоль стен к ней тянулись все эти страшные руки...

«Главное, дожидаться утра», – думала Мишель.

Заури наверняка забудет тревогу... Пойдёт к декану, если нужно, к ректору... А может, её даже не заберут из академии, правда, в её мире так бы и сделали... Как поступят в этом, она не знала. Оставалось только содрогаться от мысли, какое наказание здесь положено за убийство, будет ли следствие, суд, как это отразится на её учебе в Галдур Магинен... Может, для судимых адептов стены Галдур Магинен навсегда закрыты? А может, ей больше не выйти отсюда, и она прибыла в новый мир, только чтобы всю жизнь провести в местной тюрьме?

Хлопнула дверь, и когда Мишель повернула голову, в кабине обнаружился ещё один, оборотень в форме федерала. Она потрясла головой, прогоняя галлюцинацию, но это не помогло, что значит, вошедший был настоящим. Об этом говорили и враз подтянувшиеся охранники, или кто они там...

Подойдя к клетке, в которой сидела Мишель, вошедший представился следователем по её делу и пригласил проследовать за ним.

Следователь не просто был раздражён. Он злился. Несложно было догадаться, что, а точнее, кто его злил. Мишель уже десять раз обещала себе собраться, пробовала щипать себя за руки и ноги, отвешивать внутренние оплеухи, но ничего не работало. Усталость была адской, апатия непреодолимой. Хуже всего было то, что она понимала, что сама себя топит, что надо собраться из последних сил, и, что называется, сотрудничать со следствием, но тщетно.

Даже мысль о том, что ей предстоит провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь была какой-то тупой, не вызывала ни эмоций, ни ощущений в теле, как ещё пару часов назад.

– Итак, вы действительно обещали оторвать адептке Рошар голову и пинать ее до границы Слитсберга? – в который раз спрашивал следователь и нехорошо шурился.

И в который раз Мишель вяло кивала.

– Это не в серьёз, – сказала она слабым голосом. – Поверьте. Рошар мне ещё не такое обещала...

Она замолчала, сообразив, что сидит здесь и сейчас она, а не фурия, соответственно, та свои обещания уже не выполнит.

– Адептка Рошар уже не выполнит свои обещания, – заметил явно прочитавший её мысли следователь, не сводя с неё взгляда.

Мишель осталось только виновато кивнуть, чувствуя, как глаза начинает щипать.

– На вашей руке её кровь, – произнес следователь. – Как вы это объясните?

– Я уже отвечала на этот вопрос, когда меня задержали, – робко ответила Мишель, поморщившись, слишком яркий свет был в соседнем помещении по сравнению с тем, что там... с клеткой. – И только что...

– То есть вы отказываетесь давать показания? – нехорошо прищурился следователь.

Мишель тут же помотала головой.

– Нет, что вы, – она сглотнула. – Я... я пыталась оказать первую помощь, прощупать пульс.

– Первую помощь той, кому угрожали, я правильно вас понимаю? – уточнил следователь и Мишель обречённо кивнула.

Почувствовав, что шее отчего-то стало мокро, она провела по ней рукой и с удивлением обнаружила, что щеки влажные от слез. Это показалось почему-то особенно унижительным:

рыдать перед следователем и убеждать в своей невинности того, кто заведомо не верит ей. Интересно, здесь есть адвокаты?

– Это правда, что на вас не действуют арахниды?

Вопрос был таким неожиданным, что Мишель вздрогнула.

– Да, – ответила она незамедлительно. – Это случайно обнаружилось. Сегодня. Во время практического занятия с паукообразными.

– И чем объясняется данная особенность?

Мишель пожала плечами.

– Не знаю, – ответила она честно.

– То есть на вас не действуют арахниды, а узнали вы об этом только что? – следователь даже хмыкнул, явно нарисовал себе мысленно орден, который получил за рекордно раскрытое дело и задержку опасной преступницы, которая и врать толком не умеет...

– Я ведь говорила уже! – не выдержала Мишель. – Я не из этого мира! Я вообще ни о чём подобном не подозревала, ни о своей магии, ни о каких-то ещё особенностях. Я прошла обследование сегодня, в нашей лаборатории, в академии, у магистра Хольдера! Вы можете связаться с ним, он подтвердит мои слова. Это для всех было неожиданностью... А что покажут результаты обследования... неизвестно, магистр Хольдер сказал, ждать неделю надо...

Тяжело дыша, она откинулась на спинку стула (здесь, слава Богине, она была). Слишком вымотал так называемый спич.

Следователь посмотрел на неё странным взглядом, словно ему неприятна была сама мысль о том, что Мишель говорит правду.

А саму Мишель внезапно озарила догадка. Ведь кольнуло что-то после вопроса следователя об арахнидах... А что именно кольнуло, сама не поняла.

– Подождите, – робко сказала она. – Но причем тут арахниды? К, – она запнулась, – к убийству фурии Рошар.

Теперь удивленным выглядел следователь.

– Убийство? – он посмотрел на Мишель как-то особенно пристально. – Но ведь не было никакого убийства. Адептка Дебер Рошар жива. Просто после магического истощения происходит околечение на какое-то время.

Мишель так и подбросило на полметра вверх.

– Вы в своём уме?! – закричала она. – Фурия жива и вы молчали?! Всё это время молчали?! Это... Это же бесчеловечно!

Следователь зевнул, явно ожидая, когда она успокоится.

Мишель обессиленно опустилась на стул.

– Кража магической энергии серьёзное преступление, – сказал он спокойно, как если бы они беседовали на летней лужайке, на пикнике.

– Но ведь не такое, как убийство! – вырвалось у Мишель.

– Что вы об этом знаете? – тут же насторожился следователь. Но когда ничего путного от Мишель не добился, та только пожимала плечами, открывала и закрывала рот, добавил: – Как раз-таки кража магической энергии страшнее, чем убийство. То есть карается жестче... Тем более с помощью арахнидов.

– Но почему?

Следователь пожал плечами.

– Арахниды делают нелюдя или человека лишенцем, начисто лишают магии, безвозвратно.

– Но, – пробормотала Мишель. – Ведь в вашем мире есть такие, в ком с рождения не было магического дара?

Следователь неопределенно махнул рукой.

– Несомненно, – сказал он. – Но одно дело, когда ты от рождения такой, и другое – когда у тебя забирают то, что уже принадлежит тебе. Это хуже, чем лишиться органов, подозреваемая. Трупное оцепенение во время краткосрочного лишения магической энергии наступает не просто так. Фурии, которой вы решили отомстить за небольшое недоразумение, предстоит месяц провести в изоляторе, а потом учиться жить заново. И учиться не в Галдур Магинен, если у её семьи, конечно, нет денег на полностью платную основу обучения для магических лишенцев.

Дрожь, колотившая Мишель до этого, усилилась.

– П-почему вы называете меня подозреваемой? – тихо спросила она. Неужели все уже решено?

– Есть свидетели вашей драки, – с готовностью объяснил следователь.

– Есть, и что это доказывает?

– Вы угрожали пострадавшей.

– Да, но это...

– Вам нужно только подписать здесь и здесь, – сказал следователь. – Чистосердечное признание смягчит наказание. А оно за лишение магической энергии очень жёсткое, поверьте на слово.

Мишель часто заморгала, а потом спрятала обе руки за спину. Последние события научили ее – никогда больше она ничего не подпишет, тем более сейчас, когда глаза закрываются от усталости, а строчки словно прыгают в воздухе...

– Подпишите, – вкрадчиво повторил следователь. – И вас отвезут в одиночную камеру, и до утра не побеспокоят...

При мысли о том, чтобы лечь, вытянуть ноги, закрыть глаза и провалиться в блаженную темноту Мишель чуть не заскулила.

– У меня есть алиби, – сказала она. – Я была не одна во время... в то время, как это произошло. Мои слова подтвердят.

Следователь поморщился, словно Мишель засунула ему в рот дольку лимона.

– Кто может подтвердить вашу невиновность? – спросил он.

А у Мишель внутри все сжалось.

Вспомнилась последняя встреча с демоном, полет на летающем мобиле, ужин в лаунж-зоне на крыше фешенебельной гостиницы... Всё это казалось отсюда нереальным, сказочным, словно из другой жизни. А потом вспомнилась самодовольная ухмылка инкуба и его последние слова, после которых она рванула в свою комнату, как на пожар... Потом представилось, что он потребует, чтобы вытащить её отсюда. Определенно для неё это выйдет в ещё один пункт договора. Точнее, в вычёркивание одного из пунктов.

Нет, пока есть возможность бороться за свой слабенький дар, она будет это делать. Кто знает? Может, завтра, когда в академии выяснится, что она здесь, её вытащат отсюда и без помощи инкуба? Она сохранит девственность... Она должна сохранить девственность любой ценой.

Мишель сразу стала словно меньше ростом, сгорбилась, оседая.

Она решительно сжала кулаки.

– У меня нет алиби, – сказала она побелевшими губами.

Губы следователя, в свою очередь, растянулись в довольной улыбке.

– У вас есть очень хороший шанс помочь себе признательными показаниями, подозреваемая, – сказал он.

На это Мишель нечего было ответить.

– Ожидайте здесь, – сказал следователь. – Я даю вам время подумать, а затем, как только будет получено разрешение на ваш вывоз с территории Галдур Магинен, мы направимся в следственный изолятор. И только от вас зависит, в какую камеру вас поместят. Для тех кто готов работать со следствием, сами понимаете, мы тоже идём навстречу.

С этими словами следователь вышел из помещения и Мишель осталась одна.

Мишель чуть не взвыла в голос от безысходности.

Казалось, пока она на территории академии, с ней не случится ничего дурного, но скоро её увезут в местную тюрьму... Следователь сказал, как только будет получено разрешение на её вывоз... мамочки, хоть бы они его не получили! Хоть бы дело как можно быстрее дошло до декана... Магистр Бара не выглядел равнодушным, Мишель надеялась, что он не позволит так просто увезти в тюрьму адептку-первокурсницу. Хотя что он может против закона... Если её подозревают...

Мысли путались, скованные подступающей паникой, они были вязкими и липкими от усталости и, казалось, абсолютного отсутствия сил. Несмотря на ужас и трагизм ситуации, продолжало неудержимо клонить в сон.

А когда дверь открылась снова, сон пропал сам собой.

– Заходим, заходим, девы, не стоим на пороге. Времени у нас в обрез, – хриплым голосом шептала фурия с чёрными волосами и крючковатым носом. – Хатор, ты на шухере.

Мишель вся подобралась, когда в помещение вошло несколько фурий. Она уже видела их в академии, причём двоих – совсем недавно. Когда они с Рошар подрались.

Сейчас, оглядываясь на дверь, они смотрели на Мишель, нехорошо улыбаясь. От того, что глаза и выражения лиц оставались злыми, в улыбках фурий читался откровенный садизм.

– Мы тебе компанию составить, если ты не против, – фурия, которая, по всему виду, здесь верховодила, обратилась к Мишель.

Остальные – Мишель не всматривалась, сколько их было всего – захохотали грубыми голосами.

Ей достаточно было понять, что это ловушка, что всё это, от начала и до конца, какая-то грандиозная подстава, чтобы находиться сейчас на грани полуобморока. Ведь они здесь совсем не случайно. Явно отомстить за Рошар. А может... От следующей мысли Мишель замутило, такой яркой оказалась вспышка осознания. Может, фурий специально пустили сюда? Чтобы выбить из неё признательные показания? Причём выбить в буквальном смысле.

Сон, который волнами накатывал до этого, мигом схлынул. А какое-то обреченное спокойствие, больше похожее на апатию, осталось.

Именно оно приказало изнутри: не смей дёргаться, опускать взгляд, показывать, что боишься.

Мишель поджала губы и кивнула голосу.

Затем поднялась, чтобы не смотреть на них снизу вверх, стараясь не качаться на ногах и не держаться за стену. Больше всего хотелось завизжать, позвать на помощь, забиться в угол. Но гордость не позволила.

Они пришли её бить? Значит побьют в любом случае.

Тоскливо подумалось, что следователь может и не явиться за ней. И тогда она вряд ли доживет до утра. Или останется здоровой.

– Слышишь, Ршахра, – прокаркала одна из фурий. – Начинай.

Мишель вздрогнула.

Когда рослая фигура двинулась на неё, Мишель хотела было отступить в сторону (место было!), но что-то удержало на месте. Любое действие казалось лишним и почему-то унижительным.

– Что вам от меня нужно? – вырвалось у неё.

– Нужно? – проникновенно переспросила фурия и от её хриплого, вкрадчивого тона Мишель затрясло. – Всего лишь знать, за что ты так с Рошар?

– Да, знать и вправду неплохо, Ршахра, – сказала та самая черноволосая фурия, которая, несомненно, была здесь главной.

Фурии засмеялись. Смех был грубым, неприятным, кашляющим, от него внутри всё леденело, по коже перебирала липкими лапками безысходность и приближение чего-то страшного.

– Ну-ка, тащи её сюда, – прокаркала старая фурия. – Посмотрим, что за она. За что, говоришь, взъелась на Рошар, человеческая сучка?

– Я ничего не говорила, – тут же ответила Мишель, леденя.

– Ну так расскажи.

– А мы послушаем, – вкрадчиво проговорила вторая фурия рядом и провела пальцами по плечу Мишель.

Это заставило отпрянуть, как ошпаренной.

– Не трогайте меня!

– Да мы еще и не начинали, – оскалились в отвратительной улыбке в ответ.

Уворачиваясь от чужих рук, Мишель отскочила к стене. Оглянувшись, увидела, что фурии направились за ней.

– Что-то долго вы заставляете ждать, – сказала черноволосая и поковырялась в зубах.

Те двое, которые были ближе всех, переглянулись.

А затем у Мишель поплыло перед глазами.

Она ни разу не видела боевой трансформации фурий, и поэтому, когда носы обеих девушек, и без того крючковатые, увеличились и скрючились ещё больше, неприятно потемнев при этом, она с трудом удержалась от визга, а когда из рук с хрустом полезли перья, разрывая рукава курток, зажмурилась.

Всего на миг. В следующую секунду выставила перед собой руки, и приготовилась драться. И хоть итог был предрежён, тут уж загадывать не приходилось, внутренний голос говорил ей – отступить нельзя. Просто нельзя. Не тот случай.

А в следующий момент железная дверь со скрежетом отъехала в сторону.

На пороге стояло двое охранников.

– Хольде, на выход, – сказал один из них и Мишель чуть не застонала в голос от облегчения.

Шагая между охранниками по знакомому коридору под лабораторным корпусом, Мишель думала о том, что наверняка всё это – часть жестокой игры. Сейчас ей снова предложат подписать признательные показания, а когда откажется, отправят обратно, к фуриям. Они даже не смутились, увидев их вместе с ней. Только сможет ли она отказаться? Сейчас? После того, что увидела?

Охранник легонько подтолкнул в спину и Мишель оказалась в пустом коридоре. Когда от стены отделился силуэт, она замерла, как вкопанная. По щекам мгновенно пролегли влажные дорожки. На этот раз от радости.

– Эрам! – стоило демону приблизиться, она с визгом бросилась ему на шею.

Сильные руки прижали к себе, прошли по плечам, спине, бёдрам. В этом жесте заботы и беспокойства было больше, чем эротики. Инкуб словно ощупывал её после несчастного случая, чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке.

А Мишель прижималась лицом к твёрдой груди, снова и снова вдыхала знакомый запах, тот самый, свежий, будоражащий, терпкий, сводящий с ума, верила и не верила в происходящее. В то, что кошмар закончился.

Наконец, инкуб заговорил. Глядя прижатую в своей груди рыжую головку, он произнес:

– Детка, скажи, что в просьбе не влипать в неприятности хотя бы одну ночь, тебе не понятно?

Мишель замерла испуганной птицей, а инкуб продолжал.

– Неужели моя скромная просьба настолько невыполнима?

Мишель вздрогнула, попыталась отстраниться, ей не позволили.

– Меня подставили, – вырвалось у неё.

– Это я и сам вижу, – продолжая оглаживать её волосы и плечи, пробормотал демон. – И мне теперь предстоит выяснить, кто это выискался такой смелый. Только не сегодня, ладно? У меня благодаря кое-кому в последнее время что-то слишком уж насыщенная жизнь. Чувствую себя по меньшей мере, рок-звездой.

Мишель виновато молчала. Вместо этого ещё сильнее прижалась к демону, осторожно провела пальчиками по спине. И хоть прикосновение было лёгким, осторожным, казалось, его не почувствовать сквозь плотную ткань пиджака, инкуб замер, словно прислушивался к чему-то.

Наконец, произнес хрипло:

– Пойдем, конфетка Мими, нам обоим нужно выспаться. Скажешь спасибо своей русалке завтра.

– За что?

– За то, что её рыбьих мозгов оказалось больше, чем твоих. И она догадалась связаться со мной. Правда, она хотела выяснить, ждать ли тебя на ночь. Учитывая, что это случилось, когда я уже лёг, причем в абсолютном спокойствии в отношении чьей-то очаровательной задницы, можешь себе представить моё удивление.

– Они забрали линкофон, – пропищала Мишель.

– Детка, тебе достаточно было сказать, что ты – моя конкубина, что тебя связывает кровный контракт со мной. Одно дело задержать адептку, другое – собственность Эрама де Вуда. Как минимум, мне бы сообщили.

– А как максимум? – заинтересовалась Мишель.

Объятия инкуба были такими тёплыми и уютными, понемногу дрожь начинала сходить на нет, а отступившая было сонливость подступать снова.

– А как максимум – принести мне извинения и выпустить тебя под залог, вот как сейчас.

– Под залог?

Даже не видя демона, Мишель поняла, что тот поморщился.

– Дело яйца выеденного не стоит. Понятно, что тебя видели со мной и потому у тебя железное алиби. Завтра же мои адвокаты уладят это дело. А я попытаюсь выяснить, кому еще, кроме группировки джинна Дэениса ты умудрилась перейти дорогу.

Мишель подумала, что стоит, пожалуй, рассказать инкубу о том, что видела, прикоснувшись сначала к часам джинна, а потом к панели и стилографу в лаборатории, о том, что это был один и тот же голос, сначала он угрожал джинну, а затем требовал заставить её заключить кровный контракт... Но в следующий момент её подхватили на руки и понесли по коридору.

Казалось, инкубу ничего не стоит удерживать её вес, едва ли демон даже ощущал его. Мишель чувствовала себя настолько уставшей, что и не подумала сопротивляться. Под мерное покачивание шагов она ощутила, как проваливается в бездонную пропасть. И это было чудесно!

– Так почему не сказала обо мне этому следователю, который занимает свою поганую должность последний день? – голос инкуба вырвал из забытья.

– Думала, ты согласишься, чтобы внести изменения в наш контракт, – сонно пробормотала она. – Ну, что я обязана тебе свободой и за это должна, как ты выражаешься, отблагодарить.

Возникла пауза. Мишель даже показалось, что уязвленная.

– Детка, ты какого мнения обо мне? – после паузы сердито пробормотал инкуб.

– Самого лучшего, – заверила Мишель, а когда кожей ощутила его самодовольную улыбку, коварно добавила: – С конца.

В следующий раз Мишель вынырнула из забытья, когда ее бережно усадили на сиденье химеры.

– Ты проводишь меня? – пробормотала она, радуясь, что демон откинул спинку. – До общегития?

– Ни о каком общежитии и речи не идет, – ответили ей. – Похоже, единственный способ быть уверенным, что ты не вляпалась в очередное дерьмо, проконтролировать это самому. Так что мы едем ко мне.

– К тебе? – встрепенулась Мишель.

Инкуб понял ее по-своему.

– Да не трепыхайся, крошка. Будешь хорошей девочкой и не вступишь в новую кучу хотя бы часов шесть – и вернешься в своё общежитие, в котором тебе мёдом намазано. И не дрожи, мы же не в особняк моих родителей едем. В Вилскувере у меня есть чудесная холостяцкая квартира.

Для компаньенок и конкубин, то есть для девок, для таких, как она, подумала Мишель, отключаясь.

Глава 5

Мишель лежала на белом бархатном песке у самой кромки воды. На боку, подложив под щёку кулак и подтянув колени к животу. Несмотря на то, что глаза были закрыты, она знала, что вода в море, или даже океане, на берегу которого она лежит, синяя-синяя, почти фиолетовая. А еще ласковая и тёплая, почти горячая...

Подул легкий ветерок, сдувая прядь волос со лба и Мишель инстинктивно поёжилась.

А потом принялась закапываться в тёплый песок. Конечно, она понимала, что идея закопаться в песок так себе, куда практичнее встать и поискать покрывало или полотенце (не пришла же она на пляж с пустыми руками), но сон на то и сон, чтобы не замечать в нем нелепостей. Поэтому Мишель потянула тёплую песчаную кромку на плечо и, когда та поддавалась, укутывая её с ног до головы, тихонько замурлыкала от удовольствия.

Но в следующий миг коварный песок, так уютно укрывавший её, осыпался, вызывая волну мурашек по телу.

А затем море вышло из берегов.

Оно оказалось таким, как и ожидала Мишель – тёплым, приятно обжигающим, очень ласковым. Оно баюкало, укачивая на нежных и сильных волнах и пробуждало одновременно. Предугадывало скрытые, тайные и очень постыдные желания её тела. Оглаживало, сжимало, скользило по коже то медленно, то порывисто... От настойчивых прикосновений его волн начала ныть грудь, соски съёжились, став невероятно чувствительными, а внизу живота стал наливаться тугой комочек чего-то сладкого и пульсирующего. Он содрогался, словно кто-то извне дергал его за ниточку, как клубок, который вот-вот развернётся и это должно принести за собой что-то невероятное... какой-то немыслимый взрыв наслаждения...

Время от времени вода касалась губ, и тогда Мишель приоткрывала их, потому что хотелось, чтобы эти прикосновения были сильнее, осязательнее. Она ожидала ощутить солёный вкус, но когда юркий ручеек ворвался в её рот, язык ощутил горячую свежесть, с хмельными нотками мяты и кофейного пудинга.

Мишель принялась играть языком с этим настойчивым ручейком, который по-хозяйски исследовал её рот, и от их соприкосновения жар внизу живота усилился, стал опьяняющим и каким-то лихорадочным, принялся истошно пульсировать, раздражая, уводя за собой на какую-то недостижимую вершину.

С каждым мгновением прикосновения волн становились всё более настойчивыми и бесстыдными. Откуда-то пришло понимание, что Мишель ничего так не желала, как подчиняться им, следовать за наслаждением, которое они дарили.

Повинуясь прикосновению очередной волны, она перевернулась на спину и завела руки за голову. Когда тот же самый горячий ручеек, что обследовал её рот, накрыл сперва один, а потом другой сосок, она выгнулась, и, закусив губу, застонала от удовольствия.

Мир за подрагивающими закрытыми веками был пунцово-коралловый, пульсирующий в едином ритме со сладкими спазмами внутри.

Когда влажная горячая дорожка пролегла по животу, спускаясь всё ниже, ноги как-то сами собой распахнулись навстречу, бесстыдно подставляя накатывающим волнам самое интимное, самое сокровенное.

Когда что-то влажное и горячее коснулось там, где собралась в этот миг вся её суть, Мишель застонала в голос и попыталась ещё шире развести бедра.

Она опустила руки, запустила их прямо в бирюзовые потоки воды, которые оказались на ощупь шелковистыми, словно волосы.

Балансируя на грани упоительной бездны, трепещущая, взволнованная, Мишель покачивалась на ласково-кипучих волнах, плыла сквозь упоительную негу, стремилась к неведомой, но от этого ещё более желанной вершине.

– А-а-х, – вырывалось у нее время от времени, – а-а-а-х!

Танец чего-то влажного и горячего внизу был волшебным и очень чувственным. Дразнящие прикосновения к невероятно чувствительному местечку становились какими-то иступленными, хмельными. Столь необходимые сейчас, до невозможного пылкие и страстные, они стирали границы с миром, сминали условности, подводили к вершине удовольствия и бесстыдства.

Повинуясь этим прикосновениям, Мишель ощущала, как сама расширяется, растекается, смешиваясь с волнами океана, взрывается сверхновой звездой, дарит жизнь мириадам галактик...

Когда яркое, ни с чем не сравнимое удовольствие превысило грани возможного, Мишель исчезла. Совсем. Ее просто не стало! Нигде, ни в одном из миров!

А когда снова появилась, глаза открылись сами собой.

Потолок с встроенными хромированными лампами, серые муаровые обои на стенах...

Мишель вздрогнула от остаточных сладких спазмов и недоумённо уставилась на мужскую руку, лежащую у неё на груди. Понемногу осознавая реальность, она повернула голову и встретилась взглядом с инкубом. Вид у демона был до того довольный, что Мишель покраснела.

Твёрдые горячие губы приникли к её виску.

– Я нашел тебя, сладенькая, – прошептал инкуб. – Наконец-то я тебя нашел.

Что-то в этих словах резануло. Мишель, опьяненная близостью его тела, не поняла, что именно.

Чувства Мишель каким-то нелепым образом раздвоились: с одной стороны, ей должно быть невыносимо стыдно, с другой... ей было так хорошо, как никогда, кажется, не было.

Она попыталась понять, вспомнить, каким образом оказалась в постели инкуба. Причём полностью обнаженная...

Последним ярким воспоминанием Мишель было то, как Эрам посадил её в свой мобиль. Затем... кажется, достал из него снова, подхватив на руки.

Потом... о Богиня! Он раздевал ее, а она... почти не пыталась сопротивляться...

– Нет-нет, конфетка Мими, от тебя за версту несёт фуриями. И слушать ничего не желаю, всю твою одежду, вплоть до этих игривых бабулиных трусиков ждёт утилизатор... не надо так волноваться, утром тебе доставят всё необходимое, чтобы ты спокойно чесала на свои занятия... А теперь тебя надо помыть, лакомая...

Кажется, её мыли, касаясь во всех местах, долго и нежно, периодически покрывая поцелуями мокрую кожу, затем, завернув во что-то мягкое и уютное отнесли в спальню... Вроде бы Эрам укутал её, а сам удалился, поцеловав в лоб, и она, чувствуя себя в полной безопасности, наконец провалилась в сон, который больше не прерывали...

И вот теперь... проснуться в объятиях демона... Бесстыдной, разгоряченной от пережитого удовольствия, обнажённой... Все же её следует считать распутницей...

Размышления, впрочем, как и лёгкие ласковые поглаживания прервал звук, больше всего напомнивший Мишель рычание дикого зверя.

Сжавшись в объятиях инкуба, она всё же приподняла голову и ахнула.

На пороге комнаты стоял Эрам де Вуд.

В первую секунду Мишель подумала, что сходит с ума.

Во вторую поняла, что именно резануло слух, когда инкуб сказал, что нашел её.

Интонации. Они были знакомые, но... чужие.

А еще он назвал ее «сладенькая». Эрам никогда так её не называл.

– Я думал сделать тебе сюрприз, – непринужденным тоном, как если бы они беседовали за чашкой кофе, произнес демон, который лежал рядом. – Но вижу: ты сам приготовил для меня сюрприз, братец...

Точно! Она видела его! Тогда! В Тайной комнате! Она и забыла, что у Эрама де Вуда есть близнец. Кажется, Заури говорила о том, что братья всё делят на двоих. Значит ли это... что Эрам просто поделился... ей... с братом?!

Мишель не успела додумать, а инкуб, который лежал рядом, договорить.

Издав оглушительный рёв, на который не способен человек, Эрам бросился на брата.

– Это! Моя! Конкубина! – ревел он, отвечивая брату удар за ударом.

Скатившаяся с кровати Мишель забилась в угол, кутаясь в простыню и с ужасом наблюдая за происходящим. Но была в этом ужасе и едва уловимая нотка спокойствия: Эрам не делился ей... Его брат взял ее... без спроса.

– С каких это пор у тебя появилась конкубина?! – отбиваясь, рычал его брат-близнец

– С каких пор я должен отчитываться перед тобой?! – проревел Эрам, и следом раздался треск разрываемой ткани.

Его брат успел принять боевую трансформу в следующий миг, и спустя секунду два огненных чудовища сошлись в яростной, немыслимой схватке!

Мишель наблюдала за битвой демонов, как замороженная.

Она понимала, что человеку было бы достаточно одного такого удара... чтобы остаться без головы или без конечности. Мощные, чёрные, покрытые огненными трещинами тела... Кожистые крылья, смертоносные хвосты...

Демоны сметали всё на своем пути, и когда что-то отлетело в сторону Мишель, она взвизгнула. А потом пригляделась. Рядом опрокинулся стул, на пол горкой осело что-то зелёное. Стоило Мишель заметить белый воротничок, она поняла, что это платье! То самое, о котором вчера говорил Эрам, что ей привезут одежду утром. Должно быть он сам принес для неё платье, повесил на стул, затем вышел, чтобы не будить...

Каково было высшему демону уйти, не коснувшись её, Мишель не подумала.

Она вообще ни о чем не думала, просто сгребла вещишки в охапку и ползком покинула комнату.

Спустя несколько минут она сбегала по лестнице, на ходу завязывая поясok платья. Она потом подумает о том, прилично ли носить столь откровенное белье, подозрительно напоминающее то, что было на ней в весёлом доме мадам де Жу... и успокаивая себя тем, что хотя бы чулки оказались более-менее приличными...

Только оказавшись на улице, вдохнув свежего утреннего воздуха, она сообразила, что понятия не имеет, в каком районе Вилскувера находится. Да даже если бы знала это место, денег на дорогу до Галдур Магинен у неё попросту не было.

Вчера, когда выходила из дома для того, чтобы дойти до бассейна на территории академии, она не брала с собой сумки, а соответственно и денег.

Она беспомощно оглянулась на подъезд, из которого выскочила и выдохнула от облегчения, когда заметила знакомый лимузин. На переднем сиденье сидел тот же самый невозмутимый водитель и читал что-то на панели.

– Здравствуйте! – Мишель чувствовала себя глупее некуда, но изо всех сил старалась быть убедительной. – Господин де Вуд распорядился, чтобы вы доставили меня в общежитие.

Водитель смерил её задумчивым взглядом.

– Доброе утро, леди, – сказал он с присущей ему невозмутимостью. – Господин как будто ни о чем таком не распоряжался.

– Извините, – пробормотала Мишель, отступая.

Как же она сглупила, что обратилась к водителю Эрама. Конечно, он теперь свяжется с хозяином, а тот, вне всяких сомнений, распорядится, чтобы водитель задержал её.

Но водитель продолжал изучать её взглядом и не предпринимал никаких попыток сообщить «о побеге» инкубу.

– Думаю, господин де Вуд будет доволен узнать, что вы добрались до Галдур Магинен в целости и сохранности, – усмехнулся тот в пышные усы. – И без тысяча и одной неприятности.

Радостно кивая, Мишель чуть скрипнула зубами. Что же теперь, каждый будет называть ее тысяча и одной неприятностью?!

Пока Мишель наскоро собирала сумку, запихивала в рот бутерброд с сыром и пыталась запить его сладким чаем, русалка сидела на своей кровати, скрестив ноги, тоже уминала бутерброд, правда, без особой спешки, и не переставая трещала о том, как здорово было провести вечер среди своих.

– А не виноват ли в твоём хорошем настроении некто зеленоглазый? – стараясь жевать и говорить одновременно, спросила Мишель.

Но Заури отлично её поняла.

– Ты про Посейдона? – спросила она и захлопала ресницами с самым невинным видом.

– Про него, – подтвердила Мишель и русалка картинно закатила глаза.

А потом заверила, что он, конечно, душка и, пожалуй, даже морской конёк...

– Но мне кажется, я никогда больше на парней не посмотрю, – серьёзно сказала она.

Мишель, хоть и спешила, плюхнулась на кровать к подруге и крепко обняла ту.

– Все пройдёт, – тихо сказала она.

Заури в ответ сжала ее в объятиях.

– Жду не дождусь, когда уеду на острова, – сказала она. – Если я стану Помнящей, буду избавлена от... внимания противоположного пола.

– А как же долги?

– Естественно, когда выплачу всё до последнего кредита.

Мишель поцеловала тёмную макушку. Пройдет время и боль в душе подруги утихнет. И конечно, она ещё встретит своего единственного. Несмотря на короткий срок пребывания в новом мире, Мишель успела понять, что русалки не могут без флирта, без жизни в состоянии призыва. Очаровывать, покорять – для них это равносильно воздуху. Но Мишель, успевшая прикипеть к ундине всей душой, от этой самой души желала той влюбиться в «своего». Не в демона или оборотня, а в тритона, или, скажем, в нага. Естественно, в королевского. Поэтому она рада была, что вчерашний вечер русалка провела «среди своих». И конечно, рада тому, что подруге понравился Посейдон. Старшекурсник-тритон выглядел милым и серьёзным, и в то же время, кажется, он способен защитить подругу.

– А ты уверена, что тебе нужно на занятия? – зевнув ладонью, спросила русалка.

Она была категорически убеждена (о чём успела сообщить трижды, пока Мишель собиралась), что после ночи в следственном изоляторе (где Мишель провела эту ночь на самом деле, и тем более об утреннем эпизоде, она посчитала лучшим не сообщать), та вполне заслуживает отдых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.